

An aerial photograph of a densely populated city, likely Moscow, showing a mix of residential and commercial buildings. In the background, a cluster of tall skyscrapers is visible against a hazy sky. The foreground and middle ground are filled with multi-story apartment buildings, some with red roofs, interspersed with green trees. The overall tone is somewhat muted, with a focus on the urban landscape.

Живое Авторское Слово
Вокруг Солнца
на земном шаре

Альманах

Татьяна Евгеньевна Помысова

Вокруг Солнца

на земном шаре. Альманах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25199927

ISBN 9785448554209

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Дорогой читатель! Этот сборник – как путешествие по огромному миру – похожий на цветочное поле, на теплый ковер-самолет из пестрых лоскутков. Он очень уютный, этот ковер, есть на нем любые картины – о любви и боли, о счастье и грусти, о старых и молодых, о детях и взрослых и о братьях наших меньших. Есть в нем проза и есть стихи.

Читайте с удовольствием и мечтайте! Летайте на нашей планете вокруг Солнца вместе с нами!

Содержание

Вокруг Солнца на земном шаре	7
Стелла Синякова	8
Первое мая	11
Чудак	12
Мальчики	14
Ассоциации	15
Музей, которого нет	16
Придумай...	19
Гудок в трубке	22
Осенний транзит	24
Другой октябрь	25
Соловьи	26
Татьяна Помысова	27
Матронушка	28
Осетия. Владикавказ	30
Как приучить ребенка к горшку	37
Сказка про толстую девочку	39
Сказка про боль	41
Она и Он	43
Проходит время, вырастают дети	44
Моей любви изысканное имя	45
«Мне жизни не хватит тобой насладиться...»	46
Счастье	47

Тепла весеннего	48
Не души	49
Говорить об этом	50
И пусть ты – не моя мама	51
Паруса мечты	52
Меняю курс	53
Питерцам, погибшим от теракта в метро	54
Мансуру Сагадееву	55
Утро начала войны	56
Из века в век	57
След войны	58
Встретимся после войны	59
Чернобыльцам	60
С Днем Победы!	61
Пятьдесят	62
Боюсь своих желаний	63
Нет времени	64
Зверь	65
Придумай для меня	66
Не хватает нежности твоей	67
У погоды дисбаланс	68
Верну слова хозяину	69
Тобою привнесенную беду	70
Меняются лишь вешки на пути	71
Такая редкость	72
Ледяное сердце гор	73

Для Любви	74
Юрий Пейсахович	75
Частный случай	78
Весна ПОБЕДЫ	88
Ксения Сухорукова	93
Логическое объяснение	96
Незабываемая прогулка	100
Семьсот пятьдесят рублей	106
Елена Кузнецова	112
Девичий переполох...	115
Письмо с обратным адресом	119
Домой	127
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Вокруг Солнца на земном шаре Альманах

Составитель сборника Татьяна Евгеньевна Помысова

Автор фотографии на обложке Татьяна Евгеньевна По-
мысова

Редактор Ирина Игоревна Лобановская

ISBN 978-5-4485-5420-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вокруг Солнца на земном шаре

Дорогой читатель! Этот сборник – как путешествие по огромному миру – похожий на цветочное поле, на теплый ковер-самолет из пестрых лоскутков. Он очень уютный, этот ковер, есть на нем любые картины – о любви и боли, о счастье и грусти, о старых и молодых, о детях и взрослых, и о братьях наших меньших. Есть в нем проза, и есть стихи.

Читайте с удовольствием и мечтайте! Летайте на нашей планете вокруг Солнца вместе с нами!

Составитель сборника,

Татьяна Помысова tanya@pomysova.ru

Стелла Синякова

Что такое – человек повзрослел? Может быть, он просто перестал обращать внимание на одуванчики? Почти с каждым это когда-нибудь происходит. Если, конечно, он – не поэт. Или садовод. А ведь они – есть! И, до чего же мимолетно и быстротечно время их цветения! (О, включился поэт.) Но, шутки – шутками, а – оглянуться не успеешь – только что утром, спеша на работу, проезжая мимо городской лужайки, а там они – по-детски просыпаются, нехотя, медленно и доверчиво разжимают лепестки и раскрываются, показывая радостную, желтую, как цыпленок или яичный желток, сущность. А пройдет день-два или чуть больше (вот видите, даже не знаю, сколько именно они живут) – и вместо юных одуванчиков на том же месте стоят седые старички с просвечивающими сквозь белые пушинки головами... Потом – подует ветер...

Сколько же цветут одуванчики? Можно, конечно, залезть в интернет или справочник... И плевать, что мы-то знаем, – на самом деле они не умирают. Во всяком случае – так быстро. Они только отцветают. И в земле крепко сидят длинные корни (извиняюсь, фиг, выдернешь), а снаружи – сильные вытянутые и изрезанные лопушки листьев. И знаем, что вся эта лирика – процесс размножения... А цветы все шепчут, осыпаясь и уносясь по ветру легкими-прелегкими, мягкими, белыми обрывками-парашютиками: «Такая уж она коротенькая, как недоговоренное словечко, – наша одуванчико-

вая жизнь...»

И – поди пойми, что тут – правда, то или это.

Первое мая

Этот настырный мир сводит меня с ума.
То он бросает в угол, в вину и в дрожь.
То по весне – а как, – не пойму сама, —
Щебет по мозгу долбит: «Еще живешь!»
Как-то безумно радостно все внутри.
Днем – листва – до одури зелена.
Ночью – мягким шепотом фонари
Манят гулять. И, – вот оно, – не до сна...
Клейким листочком май подлетел впритык,
Просто – лицом к лицу. Даже из окна.
Дерзостный вопль внутри? Или птичий крик?
Что ты творишь? Опомнись, моя Весна!
Надо уладить тысячи важных дел.
Долг. И желанье – тоже. Я так хочу!
Эй, канцелярия неба! В какой отдел
Мне обратиться? А, поняла... Молчу.
Будет – не будет... Небо – ну как цветок.
А погадать на радуге – выйдет «нет».
Где он, мой неразгаданный лепесток?
Да и хочу ли я получить ответ?..

Чудак

Он жил. Он был немного циник.
Он пустоту ловил в мешок.
Играл. Не в шахматы. Ботвиник
с такой фантазией не мог
Проникнуть в мир, где нет былого,
где нет реальности и пут,
Где только – мысль, и только – слово,
создав его за пять минут.
И речь его была туманна,
точна, но сбивчива, быстра.
Он выглядел немного странно —
как клоунады мастера:
Высок, сутул и скособочен.
Казалось, на ходу дремал.
И этот образ был упрочен
усмешкой, что он не снимал.
Но там, внутри, заоблочен,
под диким панцирем, в тиши,
На самой тихой из обочин,
горел цветок его души.
На самых нежных, тонких струнах,
на нотах радостей и бед,
На вдохновении – у юных оно нежно,
как лунный свет, —
Играл, но только очень тихо,

волшебной силы музыкант.

А мозг кипел. Безумно, лихо,

и все сплавлял в один талант.

И вот, когда строки коснувшись,

он вышел, капельку прямой,

Заговорил... весь зал, очнувшись,

внимал. Актер, так ты умеи!

Ведь не сумеет.

Так попасть, так в суть, в характер,

в жизнь и в точку...

При этом духом не упасть,

все сделать четко, в одиночку,

У нас нутро перевернуть

известной и знакомой строчкой...

Ни капли лжи. Не обмануть.

Успеть прочесть. Прожить. И – точка.

Мальчики

Не согнуться, мальчики, не растечься,
На краю у пропасти удержаться.
И не сгинуть запросто в бесконечность,
И не рухнуть в тридцать и в восемнадцать.
Не исчезнуть в сумерках над обрывом,
Не уйти под стук ледяной капли.
Только были б мальчики, были б живы,
Чтоб не выть, как мало они успели.
Дорогие, умницы, погодите!
Не лишайте жизни себя и близких!
Вы сильны и молоды, вы – летите!
Еще рано возвращатьobelisks!
Почему сжимается сердце болью?
То один аукнется – и – затишье...
То другой не справится с нужной ролью
И звонка тревожного не услышит...
От ума ли горе, от сил, от совести?
Извели ли молодцев злые вороги?
Да пребудут светлыми ваши повести!
Не сломайтесь, мальчики! Вы нам дороги.

Ассоциации

По обе стороны кургана.
По обе стороны Земли.
Ты – изнутри, ушедший рано.
А мы – отсюда прилегли.
Плывут в тиши, в небесной сини,
Белее ваты облака... Белее. Вата.
Кровь. Что стынет,
Как льдом текущая река.
Река. И лед. Мороз. И печка.
Она – холодная, ждала,
Но не дождалась человечка,
Кто б из нее извлек тепла.
Не дождалась. Остались трубы
От всех от них – печей вокруг.
Ах, трубы... Медь. И чьи-то губы,
И шепот, что прорвался вдруг
Сквозь лязг и гомон на перроне,
Сквозь спины, крики и туман...
Туман. Дым в тамбуре, в вагоне.
И – всё. И – время. И – курган.

Музей, которого нет

Открытое письмо

Презрение. Тепло и память. Осторожно.
Предельно краткие движения.
«Гражданочки! Держаться можно!»
Горячечный пунктир дыхания
Уходит в звуки метронома.
Блокадный город. И река. Не я,
Не мы ему знакомы!
Но видим – черной кляксы проруби,
И пайки хлеба очертания.
И вот – крылом плеснули голуби
На крыше сумрачного здания!
Свисток. Вагоны тихо тронулись.
Ладони влажные – «Пиши!»
И слышно, как едва дотронулись,
Коснулись две родных души...
Минуло больше полстолетия.
Но все болит и ноет сердце...
Одна на всех. Не цвет – соцветие.
И вы, в чьих душах можно греться.

Трамвай

Ночь. Поземка. Тишина.

Три кота сидят в трамвае.
Вот один из них зевает,
Выгибается спина...
Три кота дрожат в клубке.
Уж недолго до конечной...
Предсказаньем жизни вечной
Замерла рука в руке.
Двое выйдут не спеша
По крутому гололеду.
Не взирая на погоду,
Полетит с душой душа.
Слишком холодно. Мороз.
Если выйти не случится,
То трамвай один помчится,
А внутри него, всерьез, —
Два замерзших человека.
И пушистых три кота.
Посреди чужого века,
С белым инеем у рта.

Зимнее

Прошло. Пожалуй, по чуть-чуть приходит память
Застыла. Заспанно зевнуть... Заносит заметить.
Законы странной тишины по гололеду
Шуршат, расчерчивая сны, кляня погоду,
На лезвиях везя беду, кому – иное
По неочищенному льду – давай со мною!
Затылком чую наяву зимы рождение.

Пока – ищу, пока – зову на восхождение!

Уйду без всхлипов, без нытья в густую заметь.

Дорога вдаль – она моя. А с нею – память.

Придумай...

1.

Придумай для меня сюжет, в котором ясно
и правдиво предстанет осень наших лет.

Пакет, поднявшийся игриво, – нелепо, искренне,
смешно, – над головой парит красиво... А дальше
Позднее вино, вина, прощенная виною,
Глаза, глядящие в окно...

А, может, что-нибудь иное?

Тропа заросшая, кусты, дом с деревянной стеною
О! В реку вросшие мосты! Их позабыть – забыть
полжизни. Строги, воздушны и чисты.

Как символ. Памятник Отчизне.

Дожди, сводящие с ума... В рождение, в радостях
и в тризне. Я все придумала сама.

Печаль души укроет снег, – пускай в сюжете есть
зима. Что нам осталось? Вечный бег

Малюсенькая остановка? Мой милый, добрый
человек! Так хорошо, легко... неловко.

Но это – там. А там нас нет... Болячки – старости
обновка. Придумай для меня сюжет.

2.

Придумай для меня любовь!

Пожалуйста, сумей поверить,

Что будем снова, вновь и вновь,
дыханием второго мерить

Все расстояния, и боль, и радость,
и минуты встречи,
И в волосах густую соль, и рук тепло – огнем
на плечи. Придумай для меня слова.
Такие – чтобы не звучали, чтоб выдохнуть могли
едва себя из душ и из печали,
Рождались в радости внутри,
залечивая горечь ссадин,
Рубцуя скорби волдыри, глотая воздух,
свеж и хладен!

Придумай для меня одной
минуту слабости и счастья,
Когда не чувствуешь спиной
ни зла, ни трепета, ни страсти,
А только рядом мерный звук – ты дышишь,
значит – любишь тоже.
Потом – прикосновение рук и очень тихо —
дрожь по коже... Придумай... Даже если нет.
Как теплоход, проходишь мимо...
Пускай все это – только бред.
Представь, что я – необходима,
Что я любима. Что нужна.
Что – я тобой любима, слышишь?
Нужна. Нежна. Нужна. Одна. Всегда – одна...
Что тут попишешь.

3.

Придумай для меня закат,
В саду заросшем чью-то лейку.
Ты помнишь? Много лет назад

Мы здесь садились на скамейку,
И мир оглохший плыл вокруг,
Ничуть пока не беспокоясь...
В глазах появится испуг,
И мир утонет в них по пояс. Но это – после.
Все – потом. Сначала станет тесно в мире,
Где все иное – за бортом,
И вечно дважды два – четыре.
И будет жутко и смешно,
Держась за руки, чтоб летелось,
Внезапно выпорхнуть в окно...
Верни мне лейку. Сад. И смелость!

Гудок в трубке

1.

Гудок, звонок... Ответь, Вселенная!

Моя Вселенная, ты слышишь?

Не стану падать на колена я,

Хочу – напротив – петь повыше!

Скажи на том конце галактики, что ты жива.

И все, довольно...

Довольно этой глупой тактики

Молчания. Мне, правда, больно!

Ау! Спешу, роняя паузы, —

Их больше нет ни здесь, ни дале.

По гололеду Эрих Краузе записку выведет

едва ли. Все так невинно припорошено,

Закрыты скользкие моменты!

Еще секунда – тело сброшено

Под гулкие аплодисменты

В усталый мир зимы и холода.

Еще один гудок, я знаю... «Алло!» —

на дальней точке провода.

Лечу к тебе, моя родная!

2.

Нам расстояние стучало

гудками в трубке по виску.

Звонок – и все опять с начала,

Сквозь страх, растерянность, тоску,

Сквозь смех и радость, наудачу —
Как будто можно все забыть...
Теперь я точно не заплачу.
Люблю? Пожалуй.
Как мне быть? Нажму на паузу.
Как глухо...
Я прячусь, взрослое дитя,
пока еще морзянкой
в ухо мне вечность капает, шутя.
Застыну на краю вселенной,
Прощу все то, что не должна.
И мне простит обыкновенный
Гудок с названием «тишина»...
Куплю ценой всего на свете
С графой чистой документ,
Пока, за прошлое в ответе,
Молчит вне зоны абонент.

Осенний транзит

Осенний транзит из бывшего в грядущее.
Уже снегопад вдалеке под парами.
Все замерло – мокрое, тихое, ждущее...
И темных дворов благодать вечерами.
Уедем? Пожалуй... Куда? Как придется.
Скорее – по времени блещущим рельсам,
Где лязгом потери октябрь отзовется,
Где ляжет белеющий снег Парацельсом.
С собой заберем промелькнувшее счастье,
И лучик, что рыжим бельчонком проносится.
Мы помним, что было, – но только отчасти,
И вовсе не знаем, что в путь с нами просится.
Забятая кукла. Записка в кармане.
А дома – учебников сонные груды.
Все будет, что будет. И с ними. И с нами.
Успехи, удачи, провалы, простуды...
Давай помолчим. Мы немного устали.
Прижаться к окошку. Укутаться пледом...
Там листья вот только что тихо летали.
Их снова увидим, но призрачным летом...

Другой октябрь

Радостью полнится солнечный дворик.
Воздух прозрачный внизу и на крышах.
Желтый октябрь с мамой-осенью спорит.
Голуби парой на проводе – выше.
Сухо, нежарко, и облако – дымкой.
Листья с деревьями тихо прощаются.
Память халтурит, и сделать бы снимки...
Что же еще к нам опять возвращается?
Хочется петь. Настроение джаза.
Запах листвы и прозрачного неба...
Есть в увядании тихая фаза.
Жаль, если ты в этой осени не был!
Блюзовых звуков не слышал рождение,
Пару влюбленных пернатых не видел...
Осень, послушай! Яви снисхождение!
Ты же на нас, дурачков, не в обиде,
Ты же простишь нашу вечную спешку,
Делометанье без взглядов на лица...
Не убирай эту милую вешку —
Дай ароматом листвы насладиться!

Соловьи

Заплутала в полях весна.
Мне не хочется совсем лета...
Расскажи мне про весну – не до сна.
Загуляла же, зараза, где-то!
Не поют еще соловьи.
Теребят ветра твои косы.
Почему же все слова твои
Невесомы, как весной – росы?
Ожерельями липнет снег
втихомолку у пустых талин.
Ручейков еще не начат разбег,
Грязноватым утром двор опечален.
Посидим еще...
Пожалей для меня словечка, пожалуй.
Только взгляда влаги налей,
Да зажги его чертиночкой малой!
Силуэт дрожит на ветру.
Не меняй, пожалуйста, позу!
Или я сегодня умру,
или принесу тебе розу.
За тебя отдам – назови —
я любую цену на свете.
Погоди... они? Они! Соловьи!
Соловьи за глупых нас не в ответе!

Татьяна Помысова

Матронушка

Поход к ней не был спланирован заранее. Всегда получается немножко через сопротивление. И лень, и погода не та, и в брюках, и туфли жмут. Встала в очередь к иконе, а хвост к ней длинный, не на один час. Постояла пять минут, очередь не двигается.

И о чем же мне просить Матронушку? О работе? О личном счастье? О деньгах?

Пошла попить водицы святой. Умылась, посидела, сделала несколько звонков и вернулась в очередь. Повязала шарфик на голову и начала думать о своих нуждах. Дождь пошел. Очередь не движется. Потихоньку начала мерзнуть и промокать.

Вдруг, стали приходить разные мысли в голову. В Прощеное воскресенье не могла просить прощения, а тут, как пошло из меня, кого обидела – вспомнила всех.

Дождь уже перестал ощущаться, так как снаружи и внутри стало одинаково холодно. Пальцы ног и рук превратились в ледышки.

А мысли все идут. Думаю, а платочек то у Матронушки совсем мокрый, прозрачный стал от воды. Или от слез людских?

Прости нас, Матронушка. За наши слезы, что холоднее дождя, за наши просьбы, всегда эгоистичные.

Мысли, что роились в голове, как-то сами собой успокоились ко второму часу стояния. Очередь уже обогнула Храм и стала приближать меня к Матронушке.

С зонтов, окружающих меня, капало за шиворот и на лоб. Это наказание Матронушкино мне за грехи.

Вот и мой черед подойти к иконе:

«Обнимаю тебя, Матронушка! Спасибо тебе, дорогая!»
Отошла от иконы. Ноги понесли меня в монастырскую трапезную, перекусить и согреться. А там еще и обсчитали на кассе. Люди везде такие люди...

Осетия. Владикавказ

Осетия. Первые впечатления по выходе из самолета в Беслане – жара. Влажная и липучая. Горы плаваются и в море, видятся призраками на горизонте. Автобус привез нас в гостиницу, сейчас у нее новое модное название, а раньше она называлась «Кавказ». Именно так и надо говорить таксистам, если вы заблудились во Владикавказе. Первый съемочный день прошел в Даргавсе. Совсем недалеко от осетинского селения Даргавс, в долине реки Мидаграбиндон, на юго-западе горы Чиджитыхох расположен исторический памятник «Город мертвых» – комплекс, состоящий из 99 надземных двух- и четырехэтажных каменных склепов. Местное название этого хребта – Рабиныраг. Эти памятники материальной культуры, относящиеся к XIV – XVIII векам, имеют важное значение для изучения далекого прошлого осетинского народа, его истории, быта и искусства. В горных селениях Осетии сооружались склепы в виде надземных фамильных усыпальниц для коллективных захоронений.

У местных жителей сохранилась память об эпидемии чумы, бушевавшей в горных ущельях на рубеже XVIII и XIX веков и унесшей жизни десятков тысяч людей. Вымирали целые семьи. В результате население Осетии сократилось с 200 тысяч в конце XVIII века до 16 тысяч к середине XIX века. Осетины как народность оказались на грани вымирания.

ния.

Дурная слава «города мертвых» заставляла даже современных исследователей относиться к работам в Даргавском ущелье с осторожностью. «В 1967 году мы впервые отправились туда на раскопки, – рассказывает Владимир Кузнецов. – На тот момент медицина не могла нам дать точный ответ на вопрос, живут ли в „городе мертвых“ возбудители чумы. Поэтому пришлось делать специальные пробы, которые, к счастью, показали их отсутствие. Но даже это не давало полной гарантии безопасности. Практически все участники экспедиции предпочитали работать в резиновых перчатках. А те, кто бравировал, работая голыми руками, считались смельчаками».

«Предки современных жителей Даргавса знали единственный способ, как можно приостановить эпидемию», – рассказывает Петр Козаев, заведующий отделом археологии и этнографии Северо-Осетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы.

Чтобы не заразить своих соседей, больные целыми семьями, с детьми на руках уходили в заранее построенные склепы, где и умирали. Те, кто оставался здоровым, покидали ущелье.

У осетин традиции, обычаи и поверья живут очень долго. Может быть, поэтому дурная слава Даргавса как опасного, зачумленного места сохранилась и по сей день*.

Горы, река, ручьи с ледников из которых можно пить.

А еще – поющие жители. Их многоголосье разносилось далеко среди гор и вся наша съемочная группа слушала их пение. Съёмки затянулись допоздна и только поздним вечером мы наконец-то почувствовали своей кожей прохладу. Часть группы, игнорирующая защитный крем, умудрилась получить ожоги – солнышко тут беспощадное, даже сквозь тучи – жалит.

В первый же выходной мы поехали осваивать пространство. Кстати, «дон» с осетинского переводится, как «река». Я теперь думаю, а кем назван Дон? Не иначе, как осетинами.

Мидаграбинские водопады находятся в Даргавском ущелье на высоте выше двух тысяч метров, где горное ущелье речки Мидаграбиндон окружается и замыкается скальным цирком, закрывающим доступ к ледникам Казбеко-Джигарайского горного кряжа. Со скальных стен, окружающих долину, стекают прозрачные, кристально чистые потоки ледниковой воды. Большой Зангелан (Падающая Лавина) падает с высоты 750 метров. Всего водопадов восемь. И у каждого есть свое имя...

Близко подойти к ним не получилось – помешали дождь и непроходимые валуны, закрывшие нашей машине проезд. Алагирское ущелье и Святой Георгий.

Молодые и высокие горы Кавказ славятся бурными реками. Одна из таких горных рек, Ардон, берет свое начало с Главного Кавказского хребта и несет свои воды в могучий Терек. Именно при слиянии этих рек и находится красоты

неземной Алагирское ущелье. Его иначе называют главными воротами Закавказья, потому что именно здесь проходит когда-то называвшаяся Военно-Осетинской дорогой Транскавказская магистраль.

Ущелье разделяет горы узким Касарским проходом на две части (нижнюю и верхнюю). Когда то Алагирское ущелье существовало как естественная крепость с сохраненными до настоящего времени следами древних укрепительных сооружений, сторожевых башен и замков. Путешественники, въезжающие в Алагирское ущелье сразу же встречаются с достопримечательностью – ущельем Уастырджи – покровителя мужчин путников и воинов Осетии. Уастырджи у осетин ассоциируется со святым Георгием. Над ним как будто появляется из отвесной каменной скалы отважный всадник на стальном коне. Этот памятник был установлен в конце прошлого века. В другом из ответвлений ущелья находится осетинское святилище – Реком.

Мы нафотографировались со Святым Георгием, с орлом и посидели на каменных тронах за огромным столом. Мелкие муравьишки людской породы.

Дальше по плану у нас были горячие минеральные источники в Бирагзанге. Очень нам хотелось испытать на своей шкурке их полезительную силу. Верхний Бирагзанг – село в Алагирском районе, славящееся на весь мир своими минеральными источниками. Бурили скважину на нефть, а там оказалось совсем другое чудо – целительное. «Терма – Га-

нах» – живая вода, дающая незабываемое чувство омоложения и прилив сил. Заходить в воду нужно медленно, чтобы не обжечься, но я смогла даже поплавать в бассейне. Сеанс плавания от пяти до пятнадцати минут, потом нужно обязательно облиться холодной водичкой и отдохнуть минут десять, перед следующим заходом. Заходить нужно три – четыре раза. Сеанс общий длится час. Лечит водичка буквально все болезни. Источник появился еще в 90-х годах, когда геологи бурили скважину для нефти, а из нее пошла горячая вода с лечебными свойствами. Ранее источником пользовались только местные жители. Совсем недавно его стали благоустраивать. Появился душ, освещение, раздевалки, строятся корпуса. Раз в две недели источник сливается и бассейн чистится. Вода в источнике была обследована в Пятигорском ГНИИК Росздрава. Определили, что вода относится к категории слабоминерализированной питьевой лечебно-столовой. Она эффективна в болезнях сердечно-сосудистой и нервной системы, системы крови и хронической интоксикации, в кожных и гинекологических болезнях, костно-мышечной системы и соединительной ткани, а также восстанавливает нарушения обмена веществ и эндокринную систему. Глубина скважины, с которой поднимается вода – 2 300 метров. А температура воды более 40 градусов. При входе кожа покрывается очень приятной пленкой, насыщается кислородом. И очень долго держится гладкой и очень нежной.

Очистившись духовно и физически мы поехали в Аланский мужской монастырь.

Аланский Успенский мужской монастырь – православный монастырь рядом с поселком Верхний Фиагдон в Куртатинском ущелье (Алагирский район Северной Осетии). Это самая высокогорная Православная обитель на территории России. Монастырь был создан 19 апреля 2000 года в Беслане в бывшей гостинице для машинистов поездов. В первый год в монастыре было всего два монаха. Монахи проходили духовную подготовку в Курской епархии, в Свято-Николаевском монастыре у старца архимандрита Ипполита, который незадолго до своей смерти благословил их и наставлял ехать в Беслан создавать монастырь. Со временем монастырь переехал в Куртатинское ущелье, где был восстановлен храм XIX века во имя святых Жен-Мироносиц и построен братский корпус, а также строится новый, более просторный храм во имя Иконы Иверской Божией Матери. Этот храм будет самым южным на территории России. В Беслане осталось монастырское подворье. Жаль, что сейчас монастырь на ремонте, тем не менее, нам разрешили заглянуть вовнутрь и ощутить атмосферу обители. Впечатление усилилось под дождем и громом. Я умудрилась получить благословение от батюшки, хоть оно и было больше похоже на легкий тычок в лоб от улыбающегося монаха.

В пяти километрах от монастыря находится часовня, в которой шестьсот лет хранилась главная святыня Осетии и все-

го северного Кавказа – Иверская Моздокская икона Божией Матери, подаренная святой благоверной Царицей Грузии Тамарой Великой. Подлинник иконы в годы Великой Отечественной войны был утрачен. По преданию, с восстановлением Православных монастырей в Осетии эта икона будет обретена.

Аланский Свято-Успенский мужской монастырь очень популярен не только среди верующих Осетии, но и других регионов России. Адрес монастыря: Алагирский район, село Хидикус, 363203

Это село славится замечательным месторасположением и недорогими коттеджами. Обязательно сюда вернусь отдохнуть.

Мидаграбинские водопады, Гизельдонское ущелье, Алагирское ущелье, Горячие источники в Бирагзанге, Аланский мужской монастырь, Даргавс и Город мертвых – то, что удалось в этот день посмотреть.

Источники все же горячие очень. Чуть там не сварилась. А в склепах города мертвых – кости и черепа людские, страшно так. Бррр. Да, я заглядывала в окошечки домиков. Выходной прошел хорошо.

Адаптируемся к Осетии!

* – <http://lostosetia.ru/object/12/>

Как приучить ребенка к горшку

Однажды, когда я в поисках работы активно рассылала свои резюме во всевозможные телекомпании и редакции, потенциальные работодатели поручили мне в качестве испытательного теста написать статью «Как приучить ребенка к горшку».

Что же мне делать? Как справиться с заданием? Давно забытая тема... Был у меня опыт двадцать шесть лет назад, а вдруг за это время технологии воспитания резко изменились? Срочно пишу мужу и сыну, прошу у них помощи, один из них опытный и умный, второй пока не очень опытный, но очень умный, наверняка помогут со статьей. Помогли. Муж пишет примерно следующее: «Берем кота и тычем мордой в ссанки – сранки, потом несем его за шкуру в туалет и сажаем в лоток с наполнителем – пусть подумает о жизни бременной. Ежели кот, сам правильно выбрал, куда ему опростаться, хвалим его и всячески поощряем материально колбасой или пивом. Премируем лакомством любимым. Выбатываем стойкие рефлексy, что сначала поход в лоток, только потом еда.

Подставь вместо слов «кот» и «лоток» слова «ребенок» и «горшок», а остальное можешь вообще не менять. Метод кнута и пряника работает и на животных, и на детях одинаково хорошо. Посмотри, например, на нашего сына. Часто

ты видела за его 26 лет, чтобы он сходил не туда? Да я не про девиц... Я про мокрые штаны и про горшок... Нет, видела только в первый год его жизни случались осечки, значит хорошо выучили за довольно – таки быстрый срок, как пользоваться горшком».

Муж – ученый, математик, как не поверить? Дальше вступает в разговор сын. Поворчав на отца, но не слишком возмущаясь за сравнение со своим любимцем, к воспитанию которого и сам приложил руку, сынок продолжил: «А ты знаешь, дорогая мамочка, как разводят лохов в интернете? Вот ты напишешь им статью на три тысячи знаков, причем за пять минут и, как показывает предыдущий твой опыт – бесплатно, а они возьмут и выложат в соцсети и будут собирать за нее лайки. Так что ты, на всякий случай, опубликуй свою статью с бесценной информацией – ибо технологии – это наше все! – сначала в соцсетях, а только потом отправляй им в редакцию. Хоть народ порадует, да свою порцию внимания получишь».

Так я и поступила. А Вам, господа – работодатели, шлю вот такую версию статьи. Ваше решение – за Вами! С глубоким почтением и ожиданием предложения о работе, имярек.

Сказка про толстую девочку

Жила была толстая девочка и очень себя жалела: вот почему, все девочки стройные, а она одна – толстая?

Вроде, умная и красивая, даже гибкая и с чувством юмора, а все равно толстая?

Мама и папа водили ее к разным врачам, ей выписывали разные лекарства и диеты, но все без толку. Они очень удивлялись, как же так, ест девочка одну гречневую кашу, а не худеет? В чем же дело?

Так они и махнули на нее рукой, пусть остается такая, лишь бы счастливой была. А девочка и была счастливой: училась хорошо, мальчики в нее влюблялись.

Только вдруг она поняла, что из всех друзей больше всех ей нравится безотказный друг Еда. И она сама, как оказалось, самый верный друг Еды: всегда и везде ее находила и днем, и ночью.

Даже там, где мама с папой прятали от детей новогодние подарки и подарки на день рождения. Девочка находила и потихонечку ела конфеты, и прочие сладости. Мама с папой может быть и догадывались об этом, но все время забывали ее поругать за это. А Еда вовсе не считала девочку своим другом. Она считала ее своим продовольственным складом. Что оставалось делать девочке после такого открытия?

Отказаться от своего удобного и покладистого друга –

Еды, который, в отличие от родителей и врачей, не заставлял ее активно двигаться и проводить время с такими же, как она, ребяташками, зато подсовывал ей книги, над которыми не надо думать, игры в интернете и всякие интересные мультики. И ей это нравилось, потому что не надо было ничего делать. А обманывать других она уже давно научилась.

Еще тогда, когда первый раз нашла привезенные папой новогодние конфеты, спрятанные до праздника мамой...

И тут ей расхотелось быть другом еды. Девочка пошла в магазин, купила много конфет, орехов, мармелада и начала подкладывать это все незаметно в мамин и папин подарочный тайник.

Потом она нашла себе мальчика – друга, который научил ее делать разные упражнения. Еда боролась за девочку с мальчиком. Но когда она его побеждала, за мальчика вступалась девочка. Так ей нравился этот пацан, а не еда...

Сказка про боль

Жила была девочка, шустрая, как ртутный шарик. Лазила по деревьям, крышам и заборам, дралась с мальчишками и носилась с ними же на великах. Царапин и разбитых коленок было не счесть. А еще были болезни, подхваченные в пионерских лагерях и в школе. Простуды и желтуха. Ей кололи пальцы, вены, когда брали кровь на анализы и заставляли глотать кишку, которая так ни разу и не проглотилась. Сдавать кровь из пальца было еще не так больно, а вот когда брали кровь из вены она просила ватку с нашатырным спиртом, чтобы ее не мутило.

Когда ей говорили: «Ты что, маленькая? Потерпишь!» девочка терпела, потом становилась белая, в ушах шум, потом ничего, потом знакомый запах нашатыря и сердитая медсестра.

Еще она как-то решила, что хватит ходить в очках и сама записалась на операцию. Было жутко интересно смотреть из рамки, в которую засунули глаз, на яркие лампы над столом. Они то расплывались белым светом, то становились красными...

Еще был как-то гипс на пальцах ног. Но пальцы скорее не болели, а чесались и девочка снимала гипс, а когда надо было к врачу снова надевала на ногу. Да много еще такого было, что болело, да забылось.

И только сердце девочки ноет от того, что когда-то порвала рисунок сестрички от ревности и зависти, что не она сделала так красиво. Да еще от того, что не может справиться с колючим языком и расстраивает маму, плохая.

Она и Он

Она его обожает, прикасается при каждой возможности, он прохладен и недоступен. Она переживает от своей женской не востребоованности. Он чинит ей сломавшиеся столы и стулья, вкручивает лампочки, водит ее в кино и театры. Она чувствует тоску по нему и некий протест от его незаинтересованности в ней.

Друзья, просто друзья, вот слова, которыми он характеризует их отношения. А ей так хочется его обнять и за заботу, и за участие, и за то, что он не успевает от нее на последнюю маршрутку и едет домой на такси.

Хочется приготовить ему что-то вкусненькое, но он не ест сладкого. Длится это давно, он уже пытался смахнуть эту паутину с себя, но она не дает. Она тешит себя фантазией что это и ему нужно.

Когда она его отпускает, он сам приходит. Или на его место приходит тот, кто любит сладкое.

Проходит время, вырастают дети

Проходит время, вырастают дети...
Становимся терпимей и слабей.
Запутаннее чувств вчерашних сети,
Упрямее – не значит, что умней.
С иллюзиями сложно расставаться,
Они так согревают душу нам.
Обманивают – можем рассмеяться,
А споры оставляем дуракам.
Цепляемся за ниточку надежды,
Близки и любы нам ее тиски...
Все чаще носим темные одежды,
Чтоб оттеняла снежные виски.
Проходит время, птицей пролетает,
Одни мы перед Вечностью всегда.
Весенней льдинкой наша жизнь растает.
Прекрасный сон – что талая вода.

Моей любви изысканное имя

Моя любовь во след рыдать не будет...
Нет у нее веревок и оков.
Ушедшего за слабость не осудит,
Смолчит, не станет тратить лишних слов.
Не перепутай ты ее с другими,
Которые и ярче, и смелей.
Моей любви изысканное имя,
Его слезами выплакать сумей.

«Мне жизни не хватит тобой насладиться...»

Мне жизни не хватит тобой насладиться
Капризами, смехом, рыданий водицей.
Теплом твоих рук и сиянием глаз
Любимый мой друг, спасибо за нас.

Счастье

Музы ко Дню Рождения

В детстве для счастья нужно так мало —
Солнце на небе, каникул начало.
Мы вырастаем — с нами запросы,
Счастье нам светит, как берег матросам.
Счастье прекрасно и так многолико,
В шепоте, в слове, в радостном крике.
Пусть оно будет. Будет любое,
Все, что захочешь — твое и живое.

Тепла весеннего

Тепла весеннего, вдруг, тело захотело,
Оно ведь знает, что его согрело.
Активно ищет телоповторенья,
Привычного касанья и движенья.
Расслабленного сонного дыханья.
И обожания, и обожания...

Не души

Не души души моей порывы,
Тянется к тебе, так обласкай.
Не нужны нам эти перерывы,
Вместе быть – хоть маленький, да Рай.
Нежности соломенная прядка,
Радости простая благодать.
И растает меж бровями складка,
И прибудет, что сумел отдать...

Говорить об этом

Говорить об этом – отдавать
Времени бесценные минуты.
Только молча чувствовать и знать,
Что так сильно нужен ты кому то.
Течь собою всей навстречу силе,
От желанья падая в кровать...
Все, что в глубине своей таили,
Не жалея сердца отдавать...

И пусть ты – не моя мама

И пусть ты – не моя мама,
Но когда тебя режут – мне больно.
Где-то в сплетении солнечном – яма
И ни охнуть, и не сказать «довольно!»
Этой ямой вжимаюсь в вести
И прошу у хирурга мысленно и невольно:
«Помоги ей хоть, раз, хоть двести!
Чтоб забыла она слово «больно!»
Излечи руками и верой,
Ты сердечным теплом лечи!
Надоело, что лучшие – первыми...
«Живи!» Заклинаю в ночи.

Паруса мечты

В грозовых облаках мечта парусами алеет
И в ладони салютами звезды нам с неба льет.
А приходит она только к тем, кто терпеть умеет.
И стремится она лишь к тем,
Кто навстречу ей сам идет.
Все сбывается в жизни, ты только не стой на месте,
А мечтай и трудись, улыбайся своим друзьям.
Даже если твой Грей – моряк на плоту из жести,
Паруса мечты в океане помогут вам!

Меняю курс

Я курс меняю, слышишь, капитан?
Раз ты устал тянуть корабль в упряжке,
Снимаешь лямку—вытертый аркан,
Плыви один. Копи свои бумажки.
И пусть они меня тебе заменяют,
Тепло, заботу, радость и иное...
Попробуй жить с другими, кто оценит
И кто сотрет из памяти бывшее.
А я в волнах качаюсь за бортом,
Вода соленая слезы не солоней.
Зачем ты был в судьбе – пойму потом,
Борьба с пучиной без тебя честней.

Питерцам, погибшим от теракта в метро

Как – будто бы опять пришла Блокада.
Мороз по коже. Стоны на губах.
Не надо повторения. Не надо!
Но не прощайте нелюдям свой страх!
Они ответят за страдания кровью,
У мести нет, увы, цены иной.
А Вам цветы возложат к изголовью —
И станет колыбелью шар земной.

Мансуру Сагадееву

Мальчик юный, Ты пожил так мало.
Не успел узнать любви земной.
Пламя взрыва полыхнуло алым
Ты сумел других прикрыть собой.
Сжалось небо, протянуло руки,
Спрятало у бога на груди.
Как поверить, что ушел без муки?
Как забыть, что было впереди?

Утро начала войны

Безмятежно июньское утро,
Сны приходят мальчишкам в кровать.
Им, смешливым, задиристым, мудрым,
Завтра в битву идти умирать.
Пусть приснятся юным героям
Соловьиные трели весны...
Разорвут самолеты воем
Утро. Смертью засыплют сны.
И сирень станет белая – красной,
И не будет больше цвести,
Пока небо не станет ясным
От победы и слез в горсти.

Из века в век

А мальчики... Они все те же, те же!
Их светел ум и планка высока!
Так редко голос их бывает нежен,
Характер жесткий и тверда рука.
Растите, юноши – вы радость наша!
Гордимся вами и свершений ждем.
Лелеем души и познания ваши,
Мечтаний ваших чистый водоем...

След войны

А след войны хоронится – в войне.
Что по миру гигантскими шагами
Трясет нас всех, пожарами, цунами
Упреком той весне.
Весне Большой Победы.
Отцы на ее стягах, братья, деды,
Но новой жизни – смерти страх неведом!
И рад Телец, взирающий на это...

Встретимся после войны

*«Встретимся после войны,
Если я доживу, конечно.
И будем снова дружны
С детьми и котами, нежно»
Е. Хоролец*

Вместо веры – ко всем неверие.
И набат, и тяжелый стон.
И щербатые окна – двери.
И убитые без похорон.
А душа от бессилья мучится.
Очень сложно ей объяснить,
Почему помочь не получится...
А так хочется в мире жить.

Чернобыльцам

Юрию Пейсаховичу

Ангел отвернулся от планеты
И случился этот страшный взрыв.
Вы, мои друзья, прошли сквозь это,
Нас от радиации прикрыв.
Падают снежинки величаво,
Вот к чему нам тот апрельский снег —
В память о трагедии кровавой
Даже время замедляет бег...

С Днем Победы!

А в горле слёз комок, заперченный годами,
Сквозь радость праздника фантомный горя вздох:
«Так где же Вы, мои друзья—однополчане
И почему один я только выжить смог?»

Пятьдесят

Мне – пятьдесят. Такая вот байда.
Года летят, фиксируя фиктивность.
Константу демонстрирует среда.
А в чувствах появляется интимность.

Боюсь своих желаний

Я, увы, боюсь своих желаний.
Есть среди них странное одно:
Дела нет до рангов мне и званий —
Нравится гримировать в кино.
Мне уже давно не восемнадцать,
Но ведь в стюардессы и не рвусь.
Экспедиций десять ли, двенадцать
я еще осилю. Пригожусь.
А желаний я своих очкую,
Потому что их реализую.

Нет времени

Нет времени, но есть его приметы —
морщинки и седины на висках.
Вдруг, лишними становятся советы
и жилки проступают на руках.
Нет времени, лишь только дни короче.
Ты стала меньше делать, больше спать,
Забыла, что стихи приходят ночью
Любовниками страстными в кровать...
Забыла? Ну так я тебе напому.
Встряхнись и не давай себе стареть.
Букет из роз лови на подоконник
И ярких бус рябиновую сеть.

Зверь

Я лесного зверя приручила,
Научила есть из рук моих.
И как человека полюбила...
О душе звериной этот стих.
Ласкою своей не удержала.
Разве можно зверя удержать?
Каждый раз с нуля я начинала
Душу мне родную принимать.
В лес ушел и я теперь тоскую.
Дикие глаза его ищу
В этой страстной жажде поцелуя...
А вернется – снова отпущу.

Придумай для меня

Придумай для меня весну сейчас
Из сердца вынь серебряную птицу,
Она взлетит под небо и приснится
Тебе и мне, пусть, в неурочный час.
Она вернется к нам и звезды в клюве
Еще так долго будут нам светить...
А в волосах луч солнца или нить
Из кос далекой лунной Ариадны.

Не хватает нежности твоей

Не хватает нежности твоей
И ладони – теплого листочка.
Кажется, что ты из нас – умней,
Просто не умеешь ставить точку.
Твои бегства – прятки от себя,
В сотый раз обманываться больно,
В майском небе голуби рябят...
Я не верю в то, что ты доволен
Этим одиночеством своим
Без меня – таким необратимым,
Ведь привыкло сердце, что любим,
И оно, молчало, но любило.

У погоды дисбаланс

У погоды дисбаланс
Нет тепла и дождик льет.
Ты опять впадаешь в транс,
Потому что – идиот.
Сам себя простить не можешь
За попятные шаги,
Но надежду все лелеешь
Ты на женские мозги,
Что размякнет и захочет
Навсегда тебя вернуть.
А она кинжалы точит,
Чтоб тебе всадить их в грудь.

Верну слова хозяину

А без него – тоска. Слова живут без тела.
И бьются у виска, да так осиротело...
Хозяин бросил их, как в траурную яму,
А сам ушел к другой. Такой непостоянный.
Держу слова в руках, они и мне не к месту,
Летите же к нему, курятами с насеста.

Тобою привнесенную беду

Тобою привнесенную беду,
Тебе проклятием в себе нести.
Боль выплачу и налегке уйду,
Так не дождавшись твоего «прости».
Да я не жду, слова мне ни к чему.
Они – скорей твоей душе отрада.
Ведь, это ты отдал меня... Кому?
Сам доставай себя, теперь, из ада.

Меняются лишь вешки на пути

Меняются лишь вешки на пути...
Летишь бездумно, прядая ушами.
А надо с остановками идти,
С раздумьями, с открытыми глазами,
Рассматривая каждую травинку,
Лаская в поле каждый колосок,
Держа за руку крепко половинку...
Дарить ей счастье, целовать в висок.
И улыбаться людям непременно.
Оскалом волчьим реже их пугать.
И радоваться Вербным Воскресеньям...
И помнить, что двум жизням не бывать...

Такая редкость

Такая редкость добрая душа
И разум светлый в теле совершенства...
Тобой я наслаждаюсь не спеша,
Ты – чудо, абсолютное блаженство
Себе я просто позволяю быть
С тобой такой безудержно счастливой.
Лишь этот миг, нанизанный на нить
Суровых буден, делает красивой...

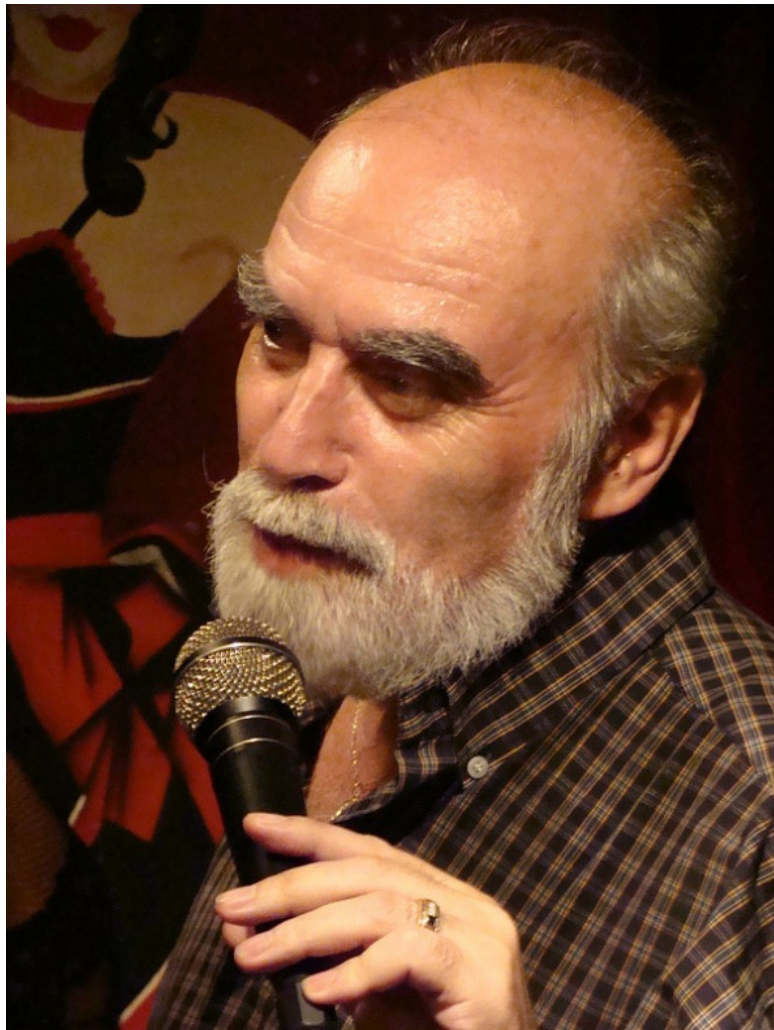
Ледяное сердце гор

Ледяное сердце гор ледниками истекает
И холодными ручьями. Пьешь и зубы застывают.
Шкурка горная прекрасна, бархатистая на вид...
Ей не верь, в горах – опасно.
Не найдет пропавших гид.
Пью водицу ледяную и спасибо говорю.
Радуюсь, но не рискую. Пики издали люблю.
Гор волшебных перевалы смотрят в нас,
как в малышей.
Мы слабы и слишком малы.
Сердце гор понять сумей.

Для Любви

«Для любви не названа цена,
лишь только жизнь одна...»,
Не меньше и не больше.
Без нее – душа зимой полна
И сердце смерзлось комом,
Раз так проще.
Всем привычно все и знакомо,
До зубовного скрипа оскомины.
Но мне хочется, мизантропов зля,
Заменить это Без на Для...

Юрий Пейсахович

Частный случай

...То, что я предлагаю тебе, читатель, не повесть даже, не лирический дневник, не записки, в которых воскрешается прошлое, а, скорее, монолог, последний разговор с самым дорогим и близким человеком, которого я никогда не называл женой...

История, о которой я здесь рассказываю, не нова, и, как сказал Жан-Жак Руссо: «Я понимаю, что читателю не очень-то интересно знать все это, но мне-то важно рассказать ему об этом». Наберись терпения, читатель, ибо тогда, при встрече нашей, ты сам просил меня рассказать тебе о себе.

А это – как раз обо мне. И, если ты сумеешь понять это, то, значит, ты сумеешь понять меня, и, быть может, я стану твоим другом. Хочу надеяться.

«Ты для меня была огромным счастьем и стоном, захлебнувшимся во мне...»

«Здесь и сейчас начинаются наши каникулы!» Я видел твое будущее, остановленное и замененное словами: она была... Как бы мне хотелось проспрыгать этот глагол в будущем времени: «Я буду счастливым мужчиной, ты будешь счастливой женщиной...» Сказка кончилась. Что такое любовь? Это – источник, это – когда мир становится богатым, это – восхищение, это – чувство, будто ты впервые встретился с чудом, и в то же время уже давно знаком с ним, это –

ощущение нашей силы и нашей хрупкости, привязанность к жизни и отсутствие страха перед смертью, вера непоколебимая и вместе с тем неустойчивая, преходящая, которую каждый день нужно завоёвывать заново.

О разлуке уже говорили многие: кто – плохо, кто – хорошо, кто – превосходно, но никто не поймет всей горечи разлуки, не испытал ее хотя бы однажды. Разлука с любимым человеком – один из самых тяжелых случаев болезни, которую принято называть тоской по родине. Это противоречие между желаниями и неотступными воспоминаниями, неспособность погасить пламя или подчинить себе сердце. Против подобного недуга есть только два средства. Но они почти недостижимы: забыть или разлюбить. Иными словами, вспоминать без страсти или предать бывшую страсть забвению. Такая борьба приводит к отчаянию, скорби и даже к смерти. До этого я никогда не задумывался о смерти, она для меня не существовала.

Смерть? Встреча с ней неизбежна, но она все же никогда не состоится потому что, когда приходит к нам смерть, мы уходим. Мы перестаем существовать в тот момент, когда она вступает в свои права.

Она или мы? В нашей власти сознательно пойти ей навстречу. Но можем ли мы хоть на один миг побыть с ней? Ведь она мгновенна, как молния. Мне предстояло навек разлучиться с той, кого я любил больше всего на свете.

«Никогда больше» уже стояло у нашего порога. Я знал:

отныне ничто, кроме моей любви, не будет связывать нас. Я понимал, что даже если какие-то тончайшие клетки, именуемые душой, и бессмертны, все равно они не обладают памятью, и наша разлука будет вечной. Я твердил себе, что смерть еще не самое страшное, страшнее ее приближение, физическое ощущение и боль при мысли, что ты покидаешь своих близких, начатую работу, и что все, что тебя окружает, тебя минует. Но тебя не будет!..

А как мне без тебя? Как?! В последний момент передо мной встали твои глаза, и очень тихо: «Ради меня ты этого не сделаешь... Ради меня...»

И я не сделал этого... Написал очень острый стих, по-моему, красивый, но жуткий:

Ну, вот и все: пружина на пределе...

Ты вздрогнешь, не поверишь, закричишь...

И не понять, насколько не успели

Разбить капли мертвенную тишь...

Все – цель, да – цель... А здесь не нужно цели,

Но цель и тут не так еще близка:

О, как он долог этот путь до цели —

Путь от ствола до правого виска...

Это меня спасло. Но что я без тебя? Что я без твоей любви?

Что может привлекать меня на земле или на небе, если тебя нет рядом со мной? Кто я без тебя? Сухое дерево, ис-

саявший источник, угасший костер. Печальный, жалкий призрак, который влачится по земле без веры, без надежды, без будущего... И сейчас я хотел бы идти, не останавливаясь. Все время в пути. Мне кажется, только так я смогу жить.

Я любил шагать с тобой в ногу. Мы были счастливы и сознавали это. Светлая, тихая радость, когда ты можешь быть уверен, что все будет хорошо. Что в мире могло быть лучше этого? А куда я иду сегодня? Ведь идти – это не значит только переставлять ноги. Где моя цель? Я повинуюсь строгому приказу жить. Это почти легко. И только так, сведя все к этой формуле, я смогу выполнить то, что мне предстоит.

Бывают дни, когда я не доверяю себе. Я должен быть постоянно начеку. Я могу не выдержать. Нужно, чтобы я был постоянно чем-нибудь занят. Я тружусь, как муравей. Я запрячаю себе думать. У меня одна цель: прожить час, и так, час за часом, добраться до того времени, пока я не буду окружен пустотой.

Но боль иногда подкрадывается исподтишка. Утро начинается хорошо. Я научился вести двойную жизнь. Думаю, говорю, работаю, и в то же время я весь поглощен тобой. Время от времени передо мной возникает твое лицо, немного расплывчато, как на фотографии, снятой не в фокусе. И вот в такие минуты я теряю бдительность: моя боль смиренная, и я, успокаиваясь, отпускаю ее. И сразу – возмездие: мгновение и я в ловушке...

Ты здесь. Я слышу твой голос, чувствую свою руку на тво-

ем плече или слышу у двери твои шаги... Теряю власть над собой. Могу только внутренне сжаться и ждать, когда это пройдет. Стою в оцепенении.

Неправда, тебя здесь нет. Ты там, далеко, с другим... Это ему принадлежат твои шаги, это его обнимают твои руки, это его встречают твои глаза, это он слушает твой голос, это его губы встречаются с твоими...

Что случилось? Какой звук, запах, какая таинственная ассоциация мысли привели тебя ко мне? Я хочу избавиться от тебя, хотя прекрасно понимаю, что это – самое ужасное, но именно в такой момент у меня не хватает сил не позволить тебе завладеть мной.

Ты или Я? Тишина комнаты вопиет сильнее, чем самый отчаянный крик. В голове хаос, тело безвольно. Я вижу нас в нашем прошлом, но где и когда? Мой двойник отделяется от меня и повторяет все то, что я тогда делал... Мы могли не говорить ни о чем или болтать обо всем. Молчание или болтовня прекрасны, когда они означают высшее проявление любви или дружбы, а не прикрывают разногласия, когда они порождены общностью настолько глубокой, что два существа, внешне совершенно не похожие один на другого, достигают сходства более удивительного, чем сходство черт лица.

Наша общая жизнь... Сначала это был какой-нибудь час, день, потом – месяц. Я спиралью сворачивался в этом маленьком, слишком тесном прошлом. Я хотел бы, чтобы оно

было большим, но мы об этом никогда не говорили. Были порывы, и была сдержанность. Неопределенная форма служила нам переходом от «я» к «мы». Мы пользовались ею долго. Однажды появилось «мы», сказанное как бы случайно, но вскоре оно было отброшено. Наверно, мы еще не были готовы к этому. Потом неопределенная форма стала употребляться всё реже.

Мы начали строить нашу совместную жизнь. И в тот момент, когда это было признано, мы вдруг поняли, что давно стремились к этому. Вдруг оказалось, что мы богаты. Нас обогатили бесчисленные мгновения, события, пережитые вместе и сохранившиеся в нашей памяти потому, что они нас объединяли. Иногда даже присутствие постороннего придавало нам больше смелости...

Наша встреча могла бы быть лишь чудесным мгновением, прекрасным воспоминанием, могла бы никак не изменить нашу жизнь, но мы снова находили друг друга и скрывали свое волнение, уверенные, что кажемся неуязвимыми.

Любовь не знает границ и не знает законов. Их знают люди. И так называемая «незаконная» любовь – самая трудная. Она не может существовать, не стремясь раскрыться, обрести, так сказать, «законные» права. Отсюда – драмы.

Так вот: «общественное мнение» указательным пальцем поставило все на свои места. Глупый мальчишка был сброшен на землю и растоптан. Чужая женщина не могла стать моей!

«Чужая...» – это слово било меня нагайкой по лицу, по телу, по сердцу. «Чужая...» – о той, с кем дышал одним дыханием, чьим именем захлебывался по ночам от счастья. Теперь захлебнулся стоном... Слово это сбросило меня на землю с такой силой, что я задохнулся и разом ощутил и высоту, на которой только что был, и неизбежность, неотвратимость приземления и боли.

Так началась жизнь без тебя. Пожалуй, я еще не знал, насколько это непереносимо – не быть одному, нет, а не быть больше с тобой... Эта боль не похожа ни на какую другую. Ее нельзя ни с кем разделить, ни один человек на свете не тебе помочь. На минуту покажется, что все прошло, а потом все сначала.

Я смирился с тем, что тебя нет, ибо не было никакого смысла говорить кому-либо о чувствах – это никого не интересовало. Все дружно кричали: «Душить ее!» – а разве можно разорвать любовь и жизнь? Если любовь разделена идейными лагерями, она разрушает идеи одной из сторон. Или разрушается сама, иногда даже ценой жизни. Но здесь – то другой случай!

Так неужели, если женщина полюбила чужого мужа или мужчина полюбил чужую жену – не так уж часто это случается – мы вправе рекомендовать им, как выход – смерть? У меня что-то случилось внутри, кажется, я заболел. Я хочу быть один, совсем один. Как хорошо на улице: мороз... Я сидел и смотрел. На моих глазах терзали тебя, а я не мог тебя за-

щитить. Что я принес тебе? Только горе. Я ошибался: раз все равно – вот так, надо было давно увести тебя из семьи... И понимал: это я бы ни за что не сделал, сколько бы ни разрешал себе, да и ты не пошла бы на это, я пытался убедить себя сейчас, что сделал бы, и ты бы сделала.

Я люблю тебя – так вот, что это значит... Почему же я раньше не понимал? Ведь я давно знал, как без тебя плохо... Но ты все время была рядом. Однажды показалось, что ты ушла – ведь я не мог этого перенести. Почему же не получилось? Годы прошли... Я отнял у тебя и себя целые годы, я своими руками подготовил сегодняшний день.

Много месяцев спустя я представлял себе, что когда смогу говорить с интересом о чем-нибудь другом, кроме тебя, думать о ком-нибудь другом, а не о тебе, я буду почти спасен. Может, это уже случилось? Не знаю. Прошлое не отпускает меня, я отчитываюсь перед ним за все. А жизнь призывает меня к себе. Я знаю это, я хочу этого, но как-то особенно ясно ощущаю серость дней и то усилие, которое мне надо сделать, чтобы вернуться к жизни, вопреки сердцу, жаждущему одиночества. Только не надо в нем копаться, нельзя. Ведь все его муки, его горе – это моя душа, разве можно так? И сейчас все в нем стонет – зачем так?!

А на улице снова весна. В неподвижном воздухе она накатывается на меня волнами, они то даруют мне, то отнимают у меня веру и надежду. Весна причиняет мне боль. Мне хочется просить у нее пощады. Каждый год я надеюсь, что

смогу наслаждаться ею или совсем забуду ее вкус.

Но смогу ли я когда-нибудь спокойно свернуться клубочком в своей кровати? Весенний воздух заставляет меня грезить о прошлом и о том, что было бы, если ты была со мной? Я знаю: эти грезы – просто неспособность жить настоящим. Я плыву по течению, не заглядывая слишком далеко или слишком глубоко.

Я не хочу начинать все сначала. Я дорожу тем, что увидел и узнал. Я жду, когда ко мне вернутся силы, этот момент наступит, я знаю, жизнь все еще интересует меня, я хочу спастись. Но не хочу освободиться от тебя. И последнее, к вопросу о счастье: счастлив ли я? Нет. Но я и не несчастлив тоже. Просто я один.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...И вот, когда уже все кончилось, когда в густеющих сумерках какие-то фигуры бродили по вытоптанной траве опустевшего поля брани, будто ища что-то потерянное, когда опустели трибуны и зрители, тихо и растерянно потолкались у выходов и разошлись, словно очнувшись от сна, в котором скрывалась еще одна какая-то злая правда жизни, так и не понятая ими и истолкованная как еще один обыденный случай, он еще долго оставался на своем месте.

Быть может, он сознательно романтизировал драматичность этой минуты, напомнившей ему так хорошо знакомые образы элегической поэзии: темнеющая разрытая арена покинута героями... не помогли последние усилия... а на сту-

пения храма поют монахи...

Итак, приложив отчаянные усилия, Честность добилаь того, что гораздо проще сделала бы Нечестность. Сегодняшний день стоил ему уйму сил, а печальный исход довел до такого состояния уныния и безнадежности, что сама жизнь стала ему казаться лишенной всякого смысла. Хорошо, ну а что ты предложишь взамен?.. Ведь и многое другое, как убеждаешься с возрастом, – тоже мираж, а любовь среди этого хотя бы занимает особое место.

У стен пустого и темного стадиона, который покинули капитаны, и короли, и все остальные люди, пронизанный холодом одиночества, ты можешь в какой-то мере ощутить, что значит мимолетное торжество.

Символично? Но известно, что легче назвать любое явление символичным, чем объяснить, почему оно символично...

Весна ПОБЕДЫ

*Посвящается моему отцу – ветерану В. О. В.
ПЕЙСАХОВИЧУ ИОСИФУ ЛЬВОВИЧУ*

Любовь моя, Отечество мое,
Моя Россия – женщина святая,
Я праздную величие твое —
Твою Победу в день девятый мая!..
Не видел я ни пепла, ни огня,
Родившийся в победном... сорок пятом,
Но та война коснулась и меня —
Я сыном был окопного солдата.
Его рассказы, боль фронтовика,
Мне были, как уроки первых книжек,
Где красная заглавная строка:
Какой ценой возможно было выжить?!
Покуда мы, крещенные огнем,
Врага утопим в пенящемся море
И Гитлера из памяти сведем,
Страна в слезах свое утопит горе.
Нельзя утешить плачущую мать,
Ничто потери сына не заменит...
А лейтенанту было двадцать пять,
И сердце той беде еще не верит...
О, сколько их, мальчишек той поры,

Ушедших на войну, не возвратилось...
Девчонок, повзрослевших до зари,
Слезами материнскими омылось...
Здесь судьбы мира взвешивались строго:
Победу нам дают лишь кровь и боль...
Дорогою, длиной в четыре года,
Прошли, Европу заслонив собой...
Была примером битва за Москву,
Где наш солдат сражался и не дрогнул,
И каждый, наступив на «не могу...»,
Почувствовал себя за бой тот гордо!
И ленинградцы, взяв блокады груз,
Держались с удивительным упорством...
Им помогал тогда весь наш Союз,
Опять же, испытав за стойкость гордость!
Твой беспримерный подвиг, Сталинград —
Те двести дней, перемоловших фрица
Что сдался в плен и был безумно рад,
Что худшего уже с ним не случится...
И вот сорок четвертый год: зима...
Январский день... И – прорвана блокада!
С великой благодарностью страна
Дала салют героям Ленинграда!..
Так наступил великий поворот —
И ход боев теперь уже менялся,
Хоть День Победы был еще далек,
Но в нем никто уже не сомневался...
Он вспоминал блокадный Ленинград,
Когда шагал до самого Берлина,

И памятный «Катюш» гвардейский залп,
Который о Победе возвестил нам.
Дождались мы хрустальной тишины
Девятого, проснувшись утром рано...
Но то был не последний день войны,
Еще не все зажили наши раны.
И был дальневосточный эшелон,
Что увозил отца бить самураев...
Тот самый – справедливой силы звон,
Который злу надежды не оставил.
– Так было, есть и будет навсегда:
Кто к нам с мечом – тот от меча погибнет!..
И красная кремлевская звезда
В солдатском сердце отзывалась гимном!
Через окопы, рвы и блиндажи
Молитвою, легендою, стихами
По фронтовым дорогам вместе шли
Сквозь мир, что где-то рухнул за плечами...
Великий миг Победы был нам дан —
Мы почестей за будни не просили,
Солдатскою наградой были нам
Честь, слава, доблесть, торжество России!
Смотрю с балкона праздничный салют,
Что красками расцвечивает небо...
Сейчас еще раз сам себе налью
Сто граммов, чтоб выпить стоя: «За Победу!..
За деда!.. За отца! и за соседа —
Тех ветеранов, что прошли войну
И сберегли нам праздничное небо,

И эту жизнь, которую живу!..
Мне есть с кого учиться быть в строю,
Перетерпеть от самой страшной боли,
Чтоб, стоя у планеты на краю,
Итожить: этой жизни был достоин!
И вспоминая праздничные дни,
Я поклонюсь седому ветерану,
Родившийся в последний день войны,
Его в себе ношу сегодня раны...
Я видел много пепла и огня:
Чернобыль – это тоже поле боя...
Берлин горит – огонь вошел в меня...
Моих друзей мое постигло горе...
И в тишине, почти что гробовой,
Мы два солдата – я и мой отец,
Как клятву повторяли: «Подвиг твой —
Бессмертен, как весны Победы цвет!..»
Но нет теперь и моего отца,
Не выдержало сердце у солдата...
И в этот День Победы бьет слеза,
Потерянная в праздник им когда-то...
И сколько б ни прошло далёких дней,
Немало поменялось поколений,
Но цвет весны и воинских побед —
Действительно великое явление!
Святая память бережно хранит
Далеких дней России нашей славу —
Парад Победы душу бередит,
Вселяя гордость за свою державу!

Ксения Сухорукова

Логическое объяснение

Мы с мужем тогда ждали появления на свет Сашки. Я к тому времени решила все свои дела и засела дома, усиленно готовиться к долгожданному материнству. В этот день я проснулась поздно, надо же выспаться впрок, пошла на кухню заварить чайку, поставила чайник. Вдруг раздался телефонный звонок, и я заторопилась в большую комнату, где находился телефон. Проходя по коридору мимо открытой двери в спальню, боковым зрением я отметила наличие инородного объекта на полу. Но поскольку торопилась ответить на телефонный звонок, голову не повернула и подумала, что, наверное, я просто что-нибудь смахнула, выходя. Всем известна удивительная грациозность очень беременной женщины. Поговорив по телефону, я направилась в спальню поднять с пола это нечто. Когда я зашла туда, то замерла на месте от увиденного мною: это нечто оказалось котом! У нас в доме никогда не было никакого зверья! Кроме тараканов... Мне подурнело. Откуда он? Я выдохнула и сказала себе: «Спокойно, Таня, это – просто кот! Должно быть логическое объяснение тому, как он сюда попал. Спокойно, Таня, это всего лишь кот! Этому должно быть логическое объяснение! Спокойно, Танечка». Нет, я, конечно, знала, что материнство может свести с ума. Но все-таки обычно это случается после родов. Послеродовая депрессия, о таком явлении

я слышала. Но так, чтобы взрослая, семейная, счастливая будущая мать свихнулась, нет, это невозможно. Я еще раз заглянула в спальню – нет, это не галлюцинация – кот был там! К тому же он очень убедительно внятно сказал: «Мяу».

Так, позвоню-ка Яну, может, он спасет любимую жену от этого наваждения. Конечно же, он приехал, и мы вместе стали думать, откуда к нам занесло это чудо природы. Дело в том, что мы жили на первом этаже, было лето, и хотя форточка была открыта, но деревьев напротив окна не было, и котов у соседей на первом этаже не было. Окна наши располагались достаточно высоко – запрыгнуть он не смог бы.

Мы решили осуществить поквартирный опрос в нашем доме – хозяева этого гостя нашлись. Животное проживало на втором этаже соседней парадной. Коту, видимо, до смерти осточертело сиденье дома, и он решил немножечко прошвырнуться. В этот день кто-то из жильцов соседней парадной переезжал, и длительное время под окнами стоял грузовик. Этот мохнатый искатель приключений спрыгнул на машину, а уж с машины на карниз первого этажа, прошелся по нему и залез в первую открытую форточку, то есть к нам. Так была разгадана эта детективная история с психоделическим оттенком.

Еще более «логическое» объяснение понадобилось моей подруге, когда, войдя в комнату, она обнаружила двух практически одинаковых черно-белых котов. У нее захватило дух. Боже мой, откуда они взялись? Третий этаж, и он же

последний. Сознание начало терять ясные очертания. Надо было думать, хотя становилось нечем. Но надо!

Они сидели друг против друга. Молча. Странно. Никаких тебе «мяу», никаких тебе «шшшшш» или «rrrrrr». Просто сидят, смотрят друг на друга и молчат. Какая-то странная кошачья безмолвная коммуникация. Одна особь была ей хорошо знакома – это был ее родной кот Черныш, а вот вторая-то? Возможность раздвоения в глазах она исключила почти сразу: спала она хорошо, крепко, ела сытно, пила только чай. Посмотрела на другие предметы в комнате – все они были в одном экземпляре, а вот котов было два! Звери имели некоторые различия. С дочкой, в детских журналах на картинках типа «найди 7 отличий», она много раз находила эти самые отличия, так что рука была набита и глаз наметан. Ее Черныш был пушистым, а этот второй был гладкошерстным. У Черныша был белый нос, а у этого черный. Они были разными. И на том спасибо. Но откуда взялся Черныш-2? Все-таки последний этаж. Вероятность его попадания к ней в дом путем запрыгивания в окно с улицы исключалась. Не мог же он с неба свалиться.

Пока она размышляла, коты, немного пообщавшись, решили малость отобедать. На ее изумленных глазах звери проследовали в кухню, поели сухого корма. Черныш проявил себя как очень воспитанное животное – сначала пропустил к миске гостя, а потом уж сам приложился. И ни разу не дал ему лапой по черной морде. Ура, значит, даже звери

могут быть приличными людьми. Открытие, достойное Павлова.

Потрапезничав, Черныш-2, не сказав «спасибо», запрыгнул на окно и ушел восвояси по карнизу. Свояси оказались у него в соседней квартире. Вот тебе и логическое объяснение.

Логика – великая наука. Аристотель умница. Придумал такую умную штуку – силлогизм называется. Я ему очень за это признательна. Без его изобретения я и моя подруга точно бы сошли с ума. Из каждой посылки, то есть простого суждения, можно сделать вывод. Пример: во всех квартирах есть форточки. Все коты умеют прыгать и лазать. Следовательно, все коты могут залезть в форточки. Так что пугаться особо не следует.

Незабываемая прогулка

Это было то время, когда Одесса не была еще за границей и поездка в этот город не была сопряжена с оформлением загранпаспорта и прочей канителью. Итак... Был чудесный летний день. Море, солнце, пляж, красавец мужчина – это я. Что еще для счастья надо?

Я вышел из здания санатория и бодрой походкой направился на пляж отдавать свое молодое сильное тело стихиям воды и солнца, ну и, конечно же, покорять сердца прелестных соплеменниц. Я прошел по тенистой аллее и оказался на залитой солнцем песчаной тверди Черноморского побережья, принадлежавшей на правах то ли собственности, то ли несобственности, в общем, неважно, на каких правах, но точно принадлежавшей санаторию, в котором я имел честь проводить свой летний отпуск.

Наплававшись всласть, я улегся загорать на заранее забронированном мною синем лежаке, рядом с очаровательной молодой женщиной, имеющей всего лишь один непростительный в моих глазах недостаток: она отдыхала с мужем! Ну и ладно, наплевать, что она с мужем, – я-то зато без жены и детей – я был не женат тогда еще. Лежу загораю. А в это время в прибрежные воды заходит теплоход и милейшая девушка вежливым и трепетным голосом приглашает дорогих товарищей отдыхающих совершить незабы-

ваемую морскую прогулку по Черному морю на небольшом уютном пароходе. Ну, кто же от такого отказывается? Тем более, что прогулка для меня лично оказалась действительно незабываемой. Деньжат с собой я взял: ведь я очень умный и до крайности предусмотрительный мужчина. Вдруг при-спичит леденец полизать или понадобится мороженым уго-stitь какую-нибудь симпатичную дамочку или чем-нибудь еще. Вдруг. Вот и взял на всякий случай. На правах состоя-тельного отдыхающего я залез в свой пляжный сейф, нахо-дившийся здесь же, под камешком, и гордой поступью под-нялся на гостеприимный борт фрегата.

Пароход был красив и бел, как зубы у негра. Экскурсия превзошла все мои ожидания, особенно ее чудный финал. Находясь на верхней палубе и сидя в удобном пластмассо-вом кресле, я первый раз в жизни пожалел о своей нежена-тости, не с кем было разделить радость и пришлось получать целую кучу разнообразных удовольствий, которые мне до-ставил этот морской вояж, в одиночку.

Удовольствия я получил самого разного толка. Находясь на борту, наверное, любого плавсредства в солнечный теп-лый день невозможно не получать радости, если только, ко-нечно, вы не раб-гребец, прикованный к веслу на галере. Об-дуваемый легким, нежным ветерком, я любовался на бес-крайнюю гладь моря, шурясь от сверкающих на солнце бли-ков. На плавающие в небесной выси облака, напоминавшие порой роскошных птиц, вдыхая терпкий запах моря, я на-

слаждался убаюкивающим шумом моря. На лице моем покоилась блаженная улыбка, очень даже подобающая антуражу. А какое еще выражение лица можно было тогда иметь?

Добрая и даже еще красивая тетенька-экскурсовод в белом шелковом платье, сквозь которое были видны ее аппетитные формы, поведала нам много интереснейших, а порой необычных фактов. Так, рассказала она нам, малограмотным, как называли Черное море древние греки, как скифы, как русичи. Какая живность дислоцирована в его недрах, а какая, увы, нет. Выяснилось, что морской конек – уникальный в своем роде зверь. Отличается от других рыб тем, что самки морского конька выметывают икру не в воду, а в особые кожаные складки на спине самцов. Вот заразы! А самцы вынашивают икру до выведения мальков!

Было поведано нам много интересных фактов о героическом поведении дельфинов, проявивших себя в роли спасателей тонущих людей. Не понимаю, какой смысл содержать целую орду спасателей на пляжах, если их работу выполняют дельфины, которым, между прочим, зарплату не платят. Они это делают так, по доброте душевной. Эти млекопитающие проявили себя также во время Великой Отечественной войны как минеры вражеских военных кораблей, подрывая себя вместе с судном.

Было рассказано много всего крайне интересного. И я бы, наверное, все это запомнил, если бы прелестный экскурсовод не сообщила новость, ошарашившую меня. Мне даже

малость поплохело. Она сказала, что экскурсия наша заканчивается не в месте отравления, то есть не на пляже, а в морском порту города Одессы... Вот тебе и раз! Все бы ничего, в порту так в порту... но порт-то находится на другом конце города!.. а я... я-то вышел на пляж в одних плавочках и босичком. И на борт этого, с позволения сказать, ковчега, я сел в таком же точно виде. Я, конечно же, немножко побузил, повозмушался таким неожиданным оборотом, дескать, предупредить надо! но делать нечего – достоинство мужчинам дано свыше, и негоже его ронять по всяким пустякам.

Так, я сошел с высоко поднятой головой на дружелюбный берег Одесского порта. Да, ситуация, прямо скажем, анекдотическая: мужчина в одних трусах в малознакомом городе, в десятке километров от гостиничного номера. И, прошу заметить, совершенно трезвый, был бы хоть пьяный, наверное, было бы попроще. Положение трудное, но не безвыходное.

Вот помню раз, еще совсем в юношеском возрасте я пытался произвести неизгладимое впечатление на активно обхаживаемую мною соседскую девочку. Я отправился с ней на пляж, оборудованный каким-то достаточно высоким строением, которое использовалось местными пацанами для прыжков в воду. Решивши блеснуть своей спортивной подготовкой, я забрался наверх и прыгнул в воду, как вдруг... в тот момент, когда мое тело вонзалось в толщу воды... с меня слетели плавки! Эффект от моего выступления был ошеломителен – девочка аплодировала, лицо ее выра-

жало радость и гордость от знакомства с таким самородком. Я же был в полном отчаянии. Я был совершенно гол! Понырвав и не найдя своего исподнего, я любезно попросил милую поклонницу моих спортивных достижений пойти домой чайку покушать, покамест я тут буду предаваться тяжелой тренировке. Домой я потом, конечно же, добрался... облаченным в лопух, когда стемнело.

Эта история меня немного приободрила. Сегодня на мне были хотя бы плавки.

К счастью, я – очень изобретательный человек. Немного поразмыслив, я решил изображать из себя бегуна. Правда, сейчас было несколько неподходящее время для этого вида спорта, в пять-то часов вечера все нормальные бегуны уже отбегали свое, но выбирать не приходилось. Войти в этот славный атлетический образ мне также мешало полное отсутствие на моих ногах какой бы то ни было обуви, не говоря уже о спортивной. Да и плавки мои малость подкачали, какие-то они были не совсем спортивные. Атлеты, кажется, бегают, в шортах. Но я, несмотря на все превратности судьбы, все же вышел на дистанцию. У меня было немного денег, осталось от чудо-одиссеи, хватит на трамвай, до которого надо было добраться своим ходом, а в данном случае бегом. А тот уж, в свою очередь, довезет мене до временного дому. И я побег...

В конце концов, в юности я страстно мечтал стать артистом. Только в моих грезах я представлял себе в роли Гамлета.

Но ладно, выбирать не приходилось. В конце концов, вся наша жизнь театр, а люди в ней актеры. Видимо, природа меня задумывала комическим актером.

Особенно смешно было на Дерибасовской. Томно прогуливавшаяся разряженная публика встретила меня взглядом, полным презрения и брезгливости. Очень комично я выглядел среди элегантно одетой публики в своем «спортивном» наряде. Как будтона королевский бал пробрался хряк.

Зеваки, не заведя кед на моих ногах, недоумевали. Да, действительно если бы я бежал босиком и был одет в обычные трусы, все было бы ясно: внезапно вернувшийся муж, балкон, спасение бегством и отчаянная попытка скрыться от разгневанного преследователя. Я же был им неясен.

Изображать босого бегуна на улице – это еще полбеды. Но делать это, простите, стоя в трамвае, это – я вам скажу – задачка не из легких. Там мне, конечно, никто не поверил. Скептики! Хотя мне казалось, что я очень натурально играл. Роль, видимо, очень сложная попалась. Ну, ничего, десять минут позора – и я добрался до пункта назначения. Полицию не вызвали, и на том спасибо.

Аплодисментов, жалко, не было. Публика приняла меня ровно. А зря!

Семьсот пятьдесят рублей

В маленький магазинчик, находящийся в подвале многоэтажного дома, зашла супружеская пара. Магазинчик торговал всем понемножку, кроме товаров, изъятых из оборота; здесь были представлены светильники различных цветов и размеров, мягкие игрушки, всевозможные энергосберегающие лампы, косметика, средства для мытья унитазов, бижутерия, дыроколы, фломастеры, кафельная плитка, батареи... Удивительно, как продавцы ориентируются в этом сумасшедшем ассортименте и ведут бухгалтерскую отчетность. Мужчина отправился выбирать нужные ему лампочки, а жена, молодая женщина лет двадцати пяти, стала рассматривать разношерстные товары, выставленные в витринах. Она ходила между стеллажами. В одном из шкафов ее внимание привлекли сережки с жемчужинами, она попросила одного из продавцов показать их, осмотрев и примерив, она изъявила желание купить серьги. Подойдя к кассе, она достала кошелек и расплатилась за покупку. И вдруг, забывая выданную ей сдачу, она увидела вещь, висевшую на стенке над кассой. Это оказались другие жемчужные сережки, которые ей понравились значительно больше, чем те, что она только что купила.

«Будьте любезны, – сказала девушка молодому кассиру, показывавшему ей новые серьги. – Дайте мне лучше эти се-

режки, они мне нравятся гораздо больше, я вам доплачу разницу в сто рублей, эти стоят семьсот пятьдесят рублей».

«Да, но...», – ответил юноша, оборачиваясь на стоявшего рядом седого мужчину.

«Послушайте милая девушка, вы думаете, это так легко – оформлять все эти ваши возвраты, обмены?» – вмешался в разговор последний.

Это был хозяин сего удивительного торгового предприятия, располагавшегося в подвальном помещении жилого дома. Поразительно, как этому убеленному сединами сыну Кавказа удалось втиснуть в столь маленький подвальчик такой чудовищный ассортимент товаров, по всей видимости, он знаком с пятым измерением, не иначе. А возможно, этому есть более прозаичное объяснение, как-то – большой состав семьи. Завидную плодовитость уроженцев бывших советских кавказских республик ставят в пример гражданам России, чье народонаселение стремительно убывает, несмотря на отчаянные попытки властей повысить рождаемость.

«Мужчина, ну если бы у вас все серьги, имеющиеся в наличии, находились в одном месте, этих проблем не возникло, я бы сразу выбрала то, что мне нужно. А то у вас в одной стороне зала выставлена одна пара сережек, в противоположном – другая».

«Ну и что, девушка, не такое уж огромное помещение».

«Ну ладно, вот вам сто рублей. Поменяйте их, пожалуйста».

«Нет, девушка, я не стану вам их менять».

«Поменяйте, пожалуйста», – сказала она, в голосе проскользнули едва уловимые нотки раздражения.

«Нет», – ответил он абсолютно спокойным, но твердым тоном.

«Но почему? Я ведь имею право, – сказала возмущенная покупательница, лицо ее постепенно стало приобретать гневное выражение, глаза округлились, между бровями залегла складка. – Понимаете ли, по Закону о защите прав потребителей я имею право в течение двух недель поменять товар, который мне не подошел. А мне эти сережки не подходят, в них застежка неудобная».

«Милая девушка, я не буду их менять...».

«Да, но ведь я вам доплачу сто рублей», – она пыталась сдвинуть с места внезапно возникшую перед ней преграду.

«Да спасибо, но мне не нужны ваши сто рублей... Я уже сказал, что не буду менять».

«Простите, но по закону вы обязаны...».

«Да плевать мне на все эти ваши законы, не буду – и все!»

Девушка стояла у кассы, ее лицо выражало крайнюю степень недоумения вперемишку с гневом праведным, она хватала ртом воздух и, видимо, пыталась сдерживать себя от крика. Злость, нахлынувшая на нее, нарастала, постепенно перерастая в глухую ярость, кулачки сжались, грудь вздымалась от глубокого дыхания. Из карих глаз летели пламенные искры. Она наткнулась на твердую стену, объяснения

этому странному упрямству найти было невозможно. Естественно, что в своей правоте она не сомневалась. К сожалению, все разумные аргументы были ею исчерпаны, она продемонстрировала своему оппоненту наличие мощного оружия в виде закона, но, увы, ожидаемого ошеломляющего эффекта на продавца они не произвели. Замолчав и в безмолвии раскрыв рот, она производила впечатление человека, у которого неожиданно вышибли почву из-под ног. Она растерянно огляделась по сторонам... Казалось, что вот-вот – и эта взрослая женщина расплчется, упадет на пол и станет, как маленький ребенок, сучить ножками по полу и истошно верещать, чтобы ей дали именно эти сережечки. Хозяин-грузин тем временем отошел в самый дальний угол комнаты и сел на зеленый пластиковый стул, положил ногу на ногу, скрестил руки на груди и выражал собой полное спокойствие и непреклонность гордого кавказского мужчины.

«Мужчина, вы не понимаете, я сейчас позвоню по телефону и к вам завтра приедут с налоговой проверкой», – кинула она ему угрозу, поистине страшную для торговца.

«Да ну и что, – ответил он безразличным тоном. – Все равно не поменяю». – И, достав газету, углубился в чтение.

«Слушайте, вы, наверное, не совсем себе представляете, чем чревата для вас подобная проверка? Наверняка найдется куча всяких нарушений», – начала она живописать грозящее ему возмездие.

Впечатление от сказанного не оправдало ожиданий.

Строптивец даже не оторвал взгляда от газеты.

«Ой, ну что же это такое?» – сказала она плачущим голосом, ища глазами поддержки у молодого кассира и мужа, вошедшего в эту комнату и давно уже наблюдавшего это интересное противостояние.

«Нет, девушка, надо было сразу выбирать то, что вам нужно, а теперь уже чек выбит...» – сказал он как бы отрезая все возможные в дальнейшем попытки для просьб и угроз.

Девушка не собиралась сдаваться, это была та представительница прекрасного пола, которую возникающие трудности лишь раззадоривают. Сопротивление противника является стимулом, тем более, когда имеются такие мощные союзники, как истина и муж. Набрав побольше воздуха в легкие, она сделала шаг навстречу к оппоненту. Ее глаза сузились, и с губ уже собиралась сорваться очередная угроза, что она обратится в Общество по защите прав потребителей, и неизвестно, чем бы эта словесная баталия закончилось, если бы не...

К счастью, у мужа покупательницы хватило благоразумия. Эта была та редкая и счастливая пара, где супруги дополняют друг друга, и здравомыслие и рассудительность мужа пришли на выручку попавшей в тупик пылкой поборнице правды, неистово алчущей истины.

Он здраво оценил обстановку и отчетливо понял, что продавец не станет менять эти треклятые серьги по каким-то известным только ему самому причинам. Непреклонность его

была очевидна. Предприимчивый сын гор сидел на своем стуле и имел вид неприступной скалы. А жена, в свою очередь, находилась в состоянии крайнего недоумения, близкого к отчаянию: как это в двадцать первом веке, когда космические корабли бороздят просторы Вселенной, в эпоху формирования капитализма, когда слово клиента – закон и при упоминании о правах потребителя продавцы падают ниц, ей за ее же собственные деньги смеют не давать желаемого! В своем порыве она была так же искренна и непреклонна, как и продавец в своем нежелании. Упорство в отстаивании своей позиции не предвещало ничего хорошего.

Мужчина достал бумажник, вынул семьсот пятьдесят рублей и попросил завернуть ему вторую пару сережек.

Елена Кузнецова

Девичий переполох...

Пятидесятая аудитория дошкольного отделения педагогического института напоминала скорее цветник, чем учебный класс – одни прекрасные женские лица и фигурки. Через несколько минут лекция, а о ней никто всерьез не думал – все ждали нового преподавателя анатомии, по слухам, молодого и весьма импозантного мужчину. Студентки шушукались именно на эту тему. Самые любопытные сели за первые столы, чтобы разглядеть преподавателя поближе, а самое главное, удостовериться – есть ли на его безымянном пальце обручальное кольцо. Никто ничего не знал о новеньком из-за его внезапного назначения на лекторский курс анатомии.

Татьяна, одна из студенток, сидящих в первом ряду, тихо рассказывала соседкам, что встретила новенького вчера в деканате, и он ей очень понравился – такой холеный, с кучерявой шевелюрой и завораживающим баритоном. Подружки советовали ей не теряться, но Танечка была уже в счастливом замужестве и только в мечтах могла себе позволить такую вольность. Почему не помечтать... Она была невысокого роста, в очках, но мужчины обращали на нее внимание, потому что Таня умела с ними общаться так, что каждый рядом с ней чувствовал себя именно мужчиной, а ее голубые глаза надолго запоминались им. Вот такая была Таня-Татьяна...

Звонок. Все немного притихли и даже как-то напряглись –

вдруг этот холеный и кучерявый неудов наставит? Не обрадуешься! Но вот он и вошел. Мало того, что холеный, кучерявый, при галстукe, так еще все помещение аудитории наполнил сногшибательным ароматом приятного мужского парфюма. Наступила музейная тишина, и казалось, что из всех чувств у студенток осталось одно обоняние. Но постепенно вернулись и другие – был замечен и хорошо сидящий костюм, и обручальное кольцо на пальце, и услышан бархатный баритон, о котором так подробно рассказывала Таня.

Преподаватель степенно представился: «Александр Иванович. Буду вести у вас курс лекций по анатомии и физиологии детей и подростков. Прошу записывать лекции, потому что зачет буду принимать при наличии полного их количества». Его голос звучал, как ласкающая музыка.

Наконец, аудитория ожила, зашуршала тетрадками и стала воспринимать суть лекции. Танина соседка в промежутках между записями всешептала ей: «И впрямь хорош! Ты была права, Танька».

Александр Иванович объявил перерыв и ушёл в аудиторию напротив. Подружки стали многозначительно смотреть на Татьяну и подкалывать: «Тань, ну сходи к нему, спроси про список литературы и есть ли книги в институтской библиотеке». Таня, слегка поправив прическу, игриво улыбнулась... и пошла.

Постучав в дверь аудитории, где сидел преподаватель,

она вежливо попросила разрешения войти и задала вопрос о списке литературы. Александр Иванович очень серьезно отнесся к просьбе студентки, достал список, сказав, чтобы Татьяна его взяла и дала переписать перечень литературы всем студенткам ее группы. И вот тут-то началось самое интересное...

Татьяна пошла к выходу из аудитории, толкнула дверь, а она... не открылась. Видимо, сработал механизм защелки замка, и дверь не открыть без ключа, а его не было нигде. Переискали и в столе, и на пыльном стеллаже, и даже на всех подоконниках. Вытряхнули все ящики из шкафа со старыми, уже пожелтевшими студенческими рефератами. Нет ключа, и все тут!

А в это время студентки уже начинали хихикать:

«Ничего себе, перерывчик... преподаватель с Татьяной уже минут двадцать отсутствуют!» Самые любопытные потихоньку собрались у двери в закрытой аудитории, прислушивались, заглядывали в замочную скважину, только что на пол не ложились, чтобы подсмотреть в щель под дверью... Ничего не видно, ничего не слышно.

Надо было отдать должное выдержки Александра Ивановича, который, после бесплодных поисков ключа, взволнованно, с красными пятнами на лице, но ровным голосом сказал: «Надо стучать, чтобы услышали и открыли». Так и сделали.

Студентки, стоящие под дверью, услышав стук и просьбу найти ключ, догадались, в чем дело, и пошли искать уборщи-

цу. Нашли, открыли дверь и Татьяна, с кокетливо-наивным видом, молча пожала плечиком, безвинным взглядом обвела сгорающих от любопытства девушек и быстро пошла к своей группе, гордо держа список литературы, как оправдательный документ.

Как только Татьяна вошла в свою аудиторию, студентки взорвались веселым и дружным смехом, а их лица выражали очень даже определенные мысли.

Александр Иванович, вошедший в аудиторию несколькими минутами позже, наоборот, был встречен тишиной, и только студентки улыбались так, как будто всем им он поставил отлично!

Письмо с обратным адресом

Мартовский непогожий вечер. Холодный ветерок заставил Татьяну поплотнее запахнуть шубку и накинуть капюшон. Люди, скопившиеся на остановке, угрюмо смотрели вдаль в ожидании автобуса. Переполненная маршрутка промчалась мимо, но вот подъехал автобус – теплый и полупустой. Татьяна села у окна, расслабилась и задумалась...

Казалось, совсем недавно, южное жаркое солнце пригревало ее нежную кожу, а упругое молодое тело покачивали ласковые морские волны. Выйдя из воды, усталая, но довольная, Татьяна с наслаждением присела на край лежака и стала медленно вытирать мягким полотенцем свои рыжие волнистые волосы.

От ее внимания не скрылось, как лежавший на песке неподалеку молодой мужчина в широкополой шляпе долго и пристально смотрел на нее. Это повторялось уже не первый день, но никакого движения к знакомству он не делал – только смотрел и явно хотел, чтобы этот взгляд был замечен.

Татьяна год назад развелась с мужем. Детей не было, развод прошел тихо и безболезненно. Да и совместная жизнь тоже была тихой и неинтересной – муж свободное время проводил на диване перед телевизором, в меру попивал, в меру курил и так же в меру любил Татьяну. Наскучило обоим...

После развода Татьяна первый раз поехала отдохнуть

на море. И вот уже две недели ее смущал этот пристальный и волнующий взгляд. От него сердце стало постукивать чаще обычного, и женщина, распустив влажные волосы, быстро собрала свои вещи и пошла в отель, хотя было еще не так жарко и часа два вполне можно было вдоволь позагорать.

В номере Татьяна прилегла, но уснуть не смогла – казалось, что темные глаза преследовали ее и не давали покоя, будто изучая, и на какое-то мгновение даже показалось, что она чувствовала прикосновение к своему полураздетому телу, давно не знавшему мужской ласки.

Постучали. Татьяна, накинув халат, подошла к двери.

– Кто там?

– Извините за беспокойство, но вы забыли на пляже заколку. Жалко потерять такую роскошь.

Мужской голос звучал уверенно, и женщина вспомнила, что пришла после купания с распущенными волосами, от волнения даже не вспомнив про красивый, изящный гребень-заколку, который был такого неопределенно-золотистого цвета, что прекрасно гармонировал с ее рыжими волосами. Татьяна уже интуитивно догадалась, кто стоит за дверью – тот красавец с пляжа.

Она впустила в номер мужчину, который в одной руке держал свою шляпу, а в другой – заколку, но не протягивал ее, словно не хотел отдавать сразу, надеясь на продолжение разговора. И, конечно, разговор состоялся и не только разговор. Их знакомство продолжилось на следующий день,

и за десять дней, оставшихся от Татьянинного отпуска, переросло в бурный любовный роман.

Дни и ночи были наполнены такими волнующими и незнакомыми ранее чувствами и ощущениями, что женщине даже в голову не пришло спросить своего нового знакомого Володю о том, откуда он, чем занимается, есть ли семья. Ей просто было с ним хорошо и интересно – пляж, катание на катере, экскурсии, занимательные разговоры вполголоса и, конечно, восторженные ночи, подаренные ей Владимиром, так захватили Татьяну, что ей было все равно...

А как он ухаживал! В ресторане женщины завистливо улыбались, глядя на галантного кавалера, заставляя Татьяну чувствовать себя королевой!

Любовь – это подарок, который случайно преподнесла ей жизнь, и она не собиралась его отдавать!

Десять дней пролетели, как мгновение, как быстрый и приятный сон. Завтра улетать, а никакого разговора о продолжении романа так и не состоялось. В ночь перед отъездом Володя не пришел, и Татьяна провела ее без сна. Накануне они прекрасно провели день, и казалось, что вот-вот еще минута, и решится судьба их знакомства. Но Володя ни одним словом не обмолвился, лишь его испепеляющий взгляд продолжал соперничать с жаркими лучами южного солнца...

Благополучно вернувшуюся домой Татьяну не оставляли мысли о внезапном исчезновении Владимира. Забываясь днем на работе, дома она не находила себе места. По ночам

тело просило его ласк, к которым оно привыкло, в ушах звучало эхо его нежного шепота, губы требовали неистового поцелуя.

Наступила зима. Приближающийся Новый год и Рождество прибавили забот. В один из выходных дней Татьяна, делая генеральную уборку перед праздниками, обратила внимание на чемодан, с которым ездила отдыхать – он так и стоял неприкаянным в кладовке, печально напоминая о счастливых днях на море. Его пора было протереть от пыли и убрать подальше, до следующего отпуска, но сил уже не оставалась даже на воспоминания, и Татьяна, поставив чемодан возле дивана, собралась в магазин за покупками – завтра должна была приехать мама, с которой почти три месяца не виделись, а подарок ей еще не куплен. Вернулась домой только к вечеру и сразу легла спать.

Мама, Нина Ивановна, приехала рано утром, когда Татьяна еще только завтракала. Вместе попили кофе, поговорили о погоде, о работе, о ценах. Нина Ивановна не затрагивала только тему личной жизни дочери – не хотела беспокоить лишний раз. Да и зачем? И так заметно, как изменилась дочка после поездки на море. Хоть бы слово сказала... молчит. Лишь однажды, в предыдущий приезд матери, обмолвилась о каком-то Володе и сразу переменила тему разговора, потупив взгляд и тихо вздохнув.

На следующий день Татьяна ушла в театр с подругой, у которой оказался лишний билет – заболел муж, а Нина Ива-

новна до прихода дочери решила пропылесосить квартиру. Она хотела перенести чемодан в кладовку – что ему стоять у дивана? Но какое-то странное, непреодолимое желание заставило женщину открыть чемодан, и она увидела на его дне футляр, открыла – фотоаппарат, достала, а дальше что? С новой цифровой техникой Нина Ивановна была не в ладах и со вздохом положила фотоаппарат в чехол, но закрыть его не получилось – что-то мешало.

Этим что-то оказалась небольшая записка, скрученная в трубочку до такой степени, что женщина еле ее развернула.

«Зачем, зачем я это делаю», – билась мелкой дрожью в голове и пальцах неприятная мысль. Но уже ничего поделать с собой Нина Ивановна не могла и прочитала: «Найду сам. Только жди. Володя». Быстро сложив все назад, протерла чемодан от пыли и поставила его в кладовку. Лишь бы дочери не проговориться... Зачем? Взрослая, сама разберется. Но сдержать тайну не смогла и все рассказала Татьяне, когда та пришла из театра. Удивлению дочери не было предела.

– Мама, какая записка?

– Доченька, да такая маленькая, свернутая в трубочку так, что я ее еле увидела.

Татьяна лихорадочно вытащила чемодан из кладовки, быстро достала оттуда чехол, фотоаппарат... Вот он, маленький, свернутый в трубочку листок! Нина Ивановна волновалась не меньше дочери и, уже понимая, что Таня действительно ничего не знала об этой записке, осторожно дотрону-

лась до ее плеча, содрогающегося от плача.

– Вот видишь, написал – жди... Ну, поплачь, поплачь, доченька... Сколько можно в себе держать такую печаль. Ты только меня не ругай – бес попутал полезть в чемодан.

Таня, почувствовав на своем плече такую теплую, родную ладошку, зарыдала еще сильнее.

– Мама! Мамочка! Да как же я могу тебя ругать! Я столько передумала после Володиного исчезновения... и плохого, и хорошего. А теперь вот весточка от него! И ты ее принесла...

Женщины обнялись и весь вечер просидели рядышком. Татьяна все рассказала Нине Ивановне о своем отпуске, об их отношениях с Володией, и о его внезапном исчезновении, и о своей сильной любви, которая, наконец, пришла.

Давно не было такого доверительного разговора у матери с дочерью. И обеим стало так легко, как в далеком Танином детстве, когда она делилась с матерью своими маленькими тайнами, а та, вот так же, как сегодня, гладила дочку по плечу, голове, приговаривая ласковые слова.

«Жаль, отец не дожил. Полюбовался бы на красавицу дочь, посидел бы с нами», – мелькнула у Нины Ивановны мысль и отозвалась острой болью в сердце...

Прошли праздники. Таня проводила маму, собрав ей в дорогу целую сумку подарков и всяких вкусностей, которая та любила. И даже припрятала один пакет с теплым шарфом для мамы, зная, что та ни за что бы не приняла такого доро-

ного подарка. Перед отъездом Таня с мамой сходили в фотостудию, и Нина Ивановна увозила с собой самый дорогой подарок – портрет, с которого смотрели две добрые и очень похожие друг на друга женщины. Только у рыженькой были широко, словно в ожидании чуда, открыты глаза, а та, которая постарше, чуть склонила голову к молодой, словно оберегая ее от жизненных тягот.

Восьмого марта, с цветами и в хорошем настроении после корпоративной вечеринки, Татьяна возвращалась домой, оставив у выхода из кафе набивавшихся в провожаемые мужчин. Про себя напевая веселые мелодии, звучавшие на празднике, вошла в подъезд, увидела в своем почтовом ящике газету, достала и в квартире кинула ее на журнальный столик. Из газеты выскользнул на пол конверт. Странно... Без обратного адреса. Писем не ждала – все больше по мобильному телефону общалась. Ошиблась, хотела солгать сама себе – ждала, ждала! Лихорадочно вынув письмо, стала читать:

«Дорогая моя, Танечка! Я знаю, что ты простишь меня за долгое молчание и неожиданное исчезновение в последний день твоего отпуска. Приехала из командировки моя жена, узнала о тебе, устроила истерику, и пришлось срочно возвращаться домой. Живем мы в двух часах езды от отеля, где ты отдыхала. Еле успел положить записку в футляр от фотоаппарата и увезти жену домой, чтобы она не встретилась с тобой. Твой адрес я узнал в турбюро – за деньги все, что

угодно, скажут, но писать тебе не смел – вдруг ты замужем? Не хотел навредить. Я сейчас, наконец, развожусь и поэтому рискнул письмом тебе сообщить все обстоятельства, разлучившие нас. А мою записку, ты ее, надеюсь, нашла? Ждешь? Обязательно жди! Люблю. Володя». Слезы застилали глаза, строчки прыгали и сливались, но счастливая Татьяна, прижав к груди драгоценное письмо, все плакала и плакала...

Автобус дернулся, скрипнув тормозами. Татьяна открыла глаза и заспешила к выходу – ее остановка. Подходя к своему дому и, придерживая капюшон от налетевшего ветерка, подумала: «Март. Начало весны». Но она еще и не знала, что в почтовом ящике лежал долгожданный конверт со знакомым почерком... и с обратным адресом.

Домой

Где бы я ни была, как бы мне ни было там хорошо, я всегда хочу к себе домой. Мысль о нем бывает настолько сильной, что ничего поделать с собой уже не могу, как только возвратиться домой и, возвращаясь. Ничего не останавливает. Это с детства...

Начальная школа, которая была в нашей деревне Ботово, закончена, и нас определили в интернат при средней школе, что находилась в соседней деревне Поповкино, за оврагом. До нее было три километра, вроде и не так далеко. Но это по прямой, через глубокий овраг, который весной заполнялся талой водой, а зимой заносился метровым снегом. А в объезд, по грунтовой деревенской дороге, было километров семь.

Возить пятнадцать учеников совхоз отказался из-за отсутствия свободного транспорта, но организацию интерната на зимнее время, проживание и бесплатное питание детям обеспечил. Родители и этому были рады.

Какими же мы были в интернате самостоятельными! Деревенские мужики напилят, нарубят дрова для печки, а мы по вечерам укладывали поленницу, да в несколько рядов. Это было вроде забавы для нас на свежем воздухе. А укладывание дров не считалось и за тяжелую работу – подумаешь, складывай да складывай, лишь бы по правилам, что-

бы пленница не завалилась. А за этим мы строго следили, потому что повалившаяся пленница доставляла еще больше хлопот – надо было вначале разобрать завал и только потом опять складывать дрова. Воду из колодца носили сами в большой рукомойник, что висел рядом с печкой, которую топила повариха, и в комнате всегда было жарко. Вода в рукомойнике к утру оставалась теплой, и мы по утрам с удовольствием умывались. И за все это – дрова, воду, нам, интернатовским, ставили по труду пятерки, что вызывало зависть деревенских ребят.

Повариха у нас была хорошая – готовила нам нехитрую еду, пекла блины, варила часто кисель, компот, которые мы оставляли от ужина и пили на ночь с черным присоленным хлебом. До сих пор люблю сладкий компот с черным хлебом, посыпанным солью. Тогда все было вкусно – молодость всегда голодная.

Учились хорошо. Уроки делали за большим обеденным самодельным столом, но никто никому не мешал. Самодисциплина была высокая. Воспитателю не было с нами тяжело. Она никогда и голоса не повышала, да и не за что было на нас кричать и ругаться.

Все хорошо бы... Но я очень скучала по дому, по маме, по братьям. Тоска наваливалась ночью, когда все засыпали. Девчонки тихо посапывали, а я лежала и плакала. Плакала тихо, без истерики, и не замечала, как засыпала.

И так почти каждую ночь. Никто и не догадывался о моих

ночных переживаниях.

Перед новогодними каникулами школа устроила нам праздничный вечер (тогда слово «вечеринка» не было в обиходе) в честь окончания первого полугодия. Нарядов у нас не было. Постирали свои домашние платья, вымыли головы, надушились одними духами, что дала воспитательница, и были очень довольны своим свежим видом.

Вечер прошел весело. Всякие развлечения, танцы, конкурсы быстро прошли. Мы получили подарки, грамоты за хорошую учебу, за участие в общественной работе.

Я была октябрятской вожатой и после уроков ходила к октябряткам, читала книги, организовывала нехитрые игры, гуляла с ними около школы во дворе. Видно с того времени уже проявлялось у меня стремление возиться с детьми, воспитывать, учить, помогать младшим.

После праздника пришли к себе в интернат. Воспитатель, Анна Николаевна, устроила нам чаепитие с конфетами и ушла. Я до сих пор удивляюсь, насколько она нам доверяла, что могла оставить одних. Ее дом был недалеко от интерната. Тогда и телефонов личных не было в деревне – только в правлении совхоза да в медпункте. Девчонки уминали свои сладкие подарки, а я не могла – привыкла делиться с младшими братьями. Но родители должны были приехать за мной только завтра. И вот тут, не дожидаясь ночи, навалилась тоска, да такая, что я, не отдавая себе отчета, стала собираться домой. Я даже не знаю, сколько было времени –

сейчас думаю, часов восемь вечера. Домой – и все! Какое завтра! Сегодня, только сегодня! Девчонки как-то спокойно отнеслись к тому, что я, на ночь глядя, засобиралась. Договорились, что они не выдадут меня и не побегут сейчас докладывать воспитательнице.

А я собрала свои нехитрые вещи, подарки и пошла домой. Одета была тепло. Валенки, толстый платок, пальто на вате, толстые варежки – обычная, но надежная зимняя одежда деревенской девочки. Самый короткий путь – через овраг. Я знала, что несколько дней не было снегопада и хотя бы маленькая стежка, а имелась через него. Взрослые в маленький снег все же ходили через овраг из деревни в деревню. Но это взрослые, а я, шестиклассница, как могла осмелиться? Да еще почти темной ночью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.